

СМЕНА

№ 13 ИЮЛЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

“ВАШИМ,
ТОВАРИЩ,
СЕРДЦЕМ
И ИМЕНЕМ
ДУМАЕМ,
ДЫШИМ,
БОРЕМСЯ И ЖИВЕМ!”

БОРЕМСЯ И ЖИВЕМ!

С ИМЕНЕМ

Фото Валерия ЛАГАНКА

Ленинский комсомол! Вот уже 50 лет мы с гордостью произносим эти два слова. А я вспоминаю время, когда комсомол еще не назывался Ленинским. Более того: комсомол не сразу стал называться комсомолом. На его первом съезде в 1918 году шла жаркая дискуссия по поводу названия. Существовавшие до съезда организации именовались по-разному. Чаще всего просто союзам молодежи, иногда социалистическим союзам рабочей молодежи — III Интернационал. И вот осенью восемнадцатого года решено было принять единое для всех организаций название. Все сходились на том, что юность революции, чей путь оксация партий большевиков, вправе называться коммунистической.

Спор шел лишь о том: быть Коммунистическому союзу молодежи или Союзу коммунистической молодежи! РКСМ или РСКМ!

Дело дошло до того, что президиум первого съезда решил просить совета у самого Ленина. Отправили в Кремль делегацию, в которую вошел и мой старший соратник поэт Александр Безыменский. Вот как он рассказывал об этом. Когда один из членов делегации сообщил, что все-таки решено назвать союз Коммунистическим, Владимир Ильич спокойно сказал: «— Дело не в названии...

— Но мы оправдали это название! — вырвалось у него. Ленин улыбнулся, слегка задумался и медленно промолвил: — Вот тогда будет хорошо... Молодым предстояло оправдать это звание, привычное ныне, вошед-

шее в качестве нового слова в русский (и не только в русский) язык: **КОМСОМОЛ**.

Мы об имени своем не знали. Мы о нем губами гулом гнали. Мы еще в семнадцатом искали Это слово «комсомол».

На окраинах Запорожской Цивиле, где грядущий орел, Улицами Пресни шли навстречу Радостному слову: **КОМСОМОЛ**.

Не в его ль намеченной орбите Серафим молодежи заводской Овладел в те годы красный Питер Вмeste с красною Москвою?

Став в бою под Ленинским знамя, Юность наших городов и сел С честью выдержала свой экзамен На создание слова: **КОМСОМОЛ**...

Перечитывая эти строки, написанные мной в героические годы первой

пятнадцати, я подумал: не слишком ли громко сказано в них насчет выдержанного экзамена!

Тут пришлось мне обратиться к моему личному воспоминанию о III комсомольском съезде, на котором выступил Владимир Ильич, сказавший, что свой военно-патриотический долг перед молодой республикой комсомол вымпонил, что задачей объединения своих сил для борьбы рабоче-крестьянской власти против нашествия капиталистов мы «прекрасно поняли».

Суровым экзаменом были для комсомолов годы гражданской войны. И он выдержал его. Боевые подвиги комсомольцев по заслугам оценены Родиной.

Я помню далекие годы, Суровые дни и дела.

Александр ЖАРОВ.

В бой и в походы
Наша партия наша вела.

Всегда с коммунистами рядом
Героическую поступал шаг
В военных отрядах
И в мирных бригадах
Советской страны комсомол.

Да, и в мире мы дим держала
Знаки на зрелость комсомола. Звонко
воспеты первые ее герои писателями,
поэтами, художниками, композиторами.
Герои гигантских строек социализма:
Магнитки и Днепрогэсы, Турксибы и
Московского метро, Сталинградского
транзита и Горьковского автомобильного
завода имени С. М. Кирова. Как заволаше-
лись на героев книги Николая Островского
«Как закалялась сталь». Лучшие черты Павла
Корчагина и Сергея Бруздника, Риты Усти-
нович и Вани Жаркова вину я и в вечно
живых героях Великой Отечественной
войны: Зое Космодемьянской, Саше
Чкаловой, Лизе Чайниковой, Олеге Коше-
вом, Викторе Талалине... О таких,
как они, сложены песни!

Встречали мы твердо и смело
Фашистского натиска шивал.
И — слава! Гасило
Над нами гремела,
Матросова подвиг свершал.

С двадцать четвертого года комсомол
успешно держит экзамен на право
называться Ленинским.

Самый счастливый съезд ВЛКСМ со-
былся накануне 50-летия со дня при-
своения комсомолу имени Ленина.
Комсомольцы докладывали партии о
том, что они, увлеченные грандиозны-
ми планами коммунистического строи-
тельства, мечтают и трудятся по-ленин-
ски. В своих выступлениях делегаты
рассказывали о замечательных сверше-
ниях комсомола, всей советской
молодежи. Но отчетов было так
много, что не все они могли быть
проинспектированы с главной трибуны
съезда.

Накануне съезда в ЦК ВЛКСМ по-
были многие делегаты. Предста-
вители комсомола республик и обла-
стей кратко, деловито докладывали о
работе своих организаций. Доклады
эти принимали секретари Централь-
ного Комитета ВЛКСМ вместе с ветера-
нами комсомола. В числе ветера-
нов был и я.

Мне было необыкновенно радостно
сознать, что нынешнее комсомо-
льское поколение с огромной от-
ветственностью продолжает дело, на-
чатое нами, комсомольцами первых
лет революции.

Ветераны труда и войны, знавшие
травмы сельского хозяйства, ге-
нералы и адмиралы, деятели науки и
искусства, все мы, в разные годы из-
рядом комсомола входившие в большу-
ю жизнь, вновь чувствовали себя
комсомольцами. И я даже повторил
про себя свои строки:

Отчего я, отчего я,
Не ворчу под нос, не иро,
В мглою иду строю?
Отчего не отступаю,
Что поныне в комсомоле
Всей душою состою?!

Участие ветеранов комсомола в ра-
боте XVII съезда ВЛКСМ символизиро-

вало единство и преемственность
комсомольцев всех поколений, а в
бои и в труде присваивая на верность
Коммунистической партии, великому
имени Ленина.

Интересно, что трудовые отчеты
комсомольских организаций неизменно
дополнялись наглядными свиде-
тельствами рабочей доблести. От ком-
сомольцев и молодежи Ленинграда
съезду был преподнесен подарок,
символизирующий нерушимый союз
рабочего класса и колхозного крестьян-
ства — модель новейшего трактора
К-701, изготовленного на Ленинград-
ском заводе имени С. М. Кирова.

Принять эту модель поручили мне.
Заключая свое отчетное слово, я ска-
зал:

В полевую даль и ширь
Вышел трактор-богатырь.
Он идет за хлеб срывается —
За пшеничный и ржаной.
От рабочих-ленинградцев
Шлет салу полон земной...

А молодое село по-своему князе-
во, рощами посаженая, не-
исключительно ярко
прозвучала на съезде выступлением ге-
роев целины, имена которых с оте-
ческой любовью были названы в ре-
чи Леонида Ильича Брежнева в Алма-
Ате.

Гроном аллодисментов были
встречены слова заботника угольной
шахты «Булановская» из города Ена-
клево, Донецкой области, Анатолия
Осыка:

«Я обязался завершить в этом го-
ду свою восьмью норму. Уже сегодня
на моем рабочем календаре —
июнь 1977 года».

Вот так оправдывают сегодняшние
комсомольцы название своего Сою-
за! Пример таких героев, как Анато-
лий Осыка, вдохновляет и зовет впе-
ред.

В атмосфере стремления и новым
подвигам прощай, комсомольский
съезд, напустовавший первых до-
бровольцев, вызвавшихся отправиться
на строительство грандиозной
Байкало-Амурский магистрали. Им
предстоит пройти величественный и
трудный. Но свершить его в совре-
менные условия будет все же лег-
че, чем в те годы, когда первые ком-
сомольцы прокладывали узкоколей-
ную дорогу. Вспомните слова Павла
Корчагина! «С самого приезда сюда
он страдал из-за худых сапог, всегда
сырых и чавкающих грязью; сейчас
же одна подошва отлетела совсем, и
голая нога ступала в режущую-холод-
ную кашу...»

Когда это было! Это было именно
тогда, когда В. И. Ленин с непоколе-
бимой уверенностью говорил нам на
III съезде «Мы хотим России из стра-
ны нищей и убогой превратить в стра-
ну богатую».

Страной могучей и богатой, глав-
ной опорой мира и братства трудя-
щихся всей планеты стал наш мно-
гонациональный Советский Союз. Не-
мало сделал для этого верный сын
Коммунистической партии, наш род-
ной комсомол, по праву называю-
щийся Ленинским.

НАША ОБЛОЖКА:
С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА.

Работа художников
Олега ВУКОВОЛА
и Артемия ШИПОВА

11

«КРАСНЫЙ СТЫК».
Репортаж
со Всесоюзной ударной
комсомольской стройки.

20

ДЖУЛЕТТЫ
МАРИНЫ НЕЛОВОЙ.

22

БОБРИШНЫЙ УГОР.
Отрывок из книги
Ал. МИХАЙЛОВА
о творчестве поэта
Александра ЯШИНА.

28

«ТРОЯНЕЦ» ИЗ БЕРЛИНА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

БАМ НАЧИНАЕТСЯ. РЕПОРТАЖ СО ВСЕСОЮЗНОЙ
УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ

ТВОЯ ПРОФЕССИЯ,
БЕСЕДА С ПРОФЕССОРОМ КАРЦЕВЫМ

МОНОЛОГ АКТРИСЫ ЦИРКА ТЕРЕЗЫ ДУРОВОЙ
С КОММЕНТАРИЯМИ
ПИСАТЕЛЯ СЕРГЕЯ АБРАМОВА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЯ: В. С. Абаши, А. П. Кулешов, А. А. Лыханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Погодинов, Р. И. Родственский, Е. И. Рабчинко, Г. В. Семенов, А. П. Середо, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. И. Шанилов

Художник О. С. Теллер

Технический редактор Н. И. Будина

Незабываемым праздником единения всех комсомольских поколений стал последний день работы XVII съезда ВЛКСМ, когда состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

Перед взорами делегатов в этот знаменательный день по авансцене Кремлевского Дворца съездов прошла как бы вся история нашего комсомола.

В присутствии руководителей Коммунистической партии и Советского правительства съезд горячо приветствовали прославленные представители всех поколений советского народа.

ОТ ИМЕНИ ВЕТЕРАНОВ КОМСОМОЛА — ДЕЛЕГАТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ШЕСТОГО СЪЕЗДА ВЛКСМ XVII СЪЕЗД ПРИВЕТСТВУЕТ ВЯДНЫХ СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТ В. А. ЗОРИН.

Фото Алексея ГОСТЕВА и Геннадия КОПЦОВА

ИДИТЕ СЛОВА ДЛЯ ПЕСЕН

Юрий КАЛЕЩУК,
Альберт ЛЕХМУС (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

Вот так, Васильич. При очередном наращивании инструмента не пошел... Метрусенко остановился в дверях, хмыкнул: «Ну, дела...» Макареца княнул ему и продолжал говорить по радио. «После выезда высоко, и, чтобы дотянуться до трубы, он встал коленями на стул, придерживая подбородком сползающий с плеч ватник. Ночью была метель — западала, апрельская, бестолковая до востри; переменяла снег с грязью, прогромычала цитами укрытия и умчалась, добавив к привычному неуют армянского жилья разорение поспешного бегства; было холодно, как бывает холодно встраиваемым утром, в сумрачном ознобе недосмотренных снегов, когда все решительно зря, когда суть работы ускользает и не знаешь, с чего начать и за что браться, а время уходит.

— Приподнялись над забоем на три свечи, восстановили циркуляцию. Вроде пошли. Начали снова наращиваться — не тут-то было.

«Вляпались капитально», — подумал Метрусенко. — Макареца, видать, и не помнил. Ну, дела.

— Кажая-то чертовщина, — сказал Макареца, воткнув трубку в гнездо, и опустился на стул, кутаясь в ватник. — До забоя дойти не можем. Стенки валят.

— Забой 505 метров, — прочитал Метрусенко, раскрыв вахтовый журнал. — Да-а... Я-то думал, уже за восьмисот рванули.

— Вторую вахту упрямеемся.

— Слушай, а может, шарошки потеряли?

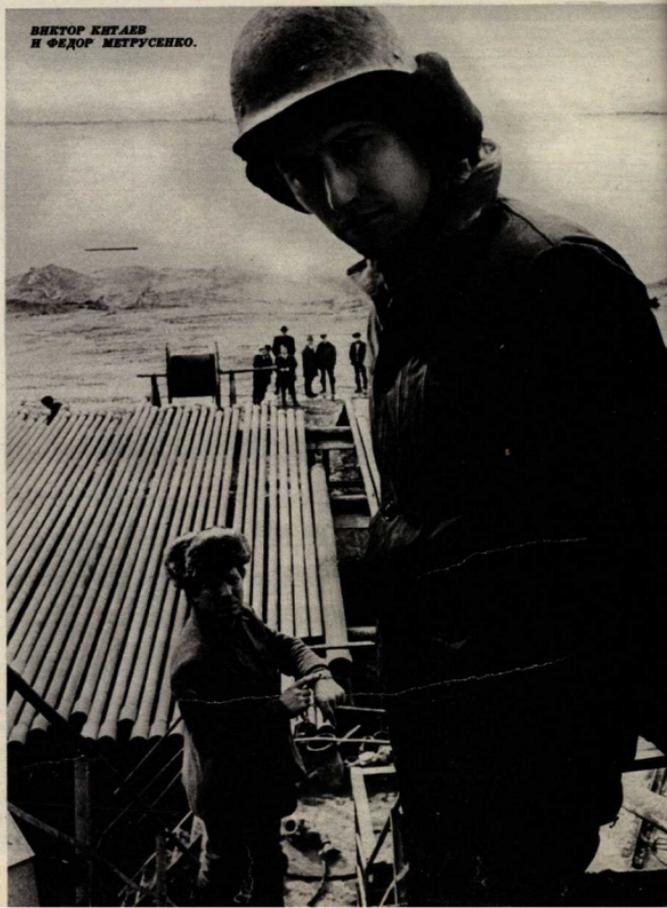
Макареца взглянул на него мельком, но остро, пронзительно, лица на лице Метрусенко отблеск погашенной или затеанной улыбки. Не нашел. И заговорил медленно, нехотя, словно сам себя убеждал или с собою же продолжал спорить:

— Да нет, откуда... Новое долото, ста метров не прошли... И опять же — шлам... Нет, быть этого не может. Тебе, Федя, с той поры всюду шарошки мерещатся...

— Еще бы, — вздохнул Метрусенко.

Только месяц с той поры и прошел. Ничто не

ВИКТОР КИТАЕВ
И ФЕДОР МЕТРУСЕНКО.

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ.

Когда верстался этот номер, в редакцию пришла телеграмма:

Комсомольско-молодежная бригада Китаева Нижневартовского управления буровых работ зпт взявшая социалистическое обязательство выполнить пятилетний план в объеме 209 600 метров к 50-летию со дня присвоения комсомолу имени Ленина зпт выполнила его досрочно 1 июня 1974 года тчк за пять месяцев определяющего года пробурено 35 386 метров при плане 19 300 тчк до конца года пробурим еще 50 тысяч метров тчк буровой мастер Китаев партгрупорг Пятков проф-групорг Вавилин группкомсорг Юсупов

ЦВЕТ СОВЕТСКОЙ НАУКИ — ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ, АКАДЕМИКИ ПРИВЕТСТВОВАЛИ ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА ОТ ИМЕНИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАШЕЙ СТРАНЫ.

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, НАЧАЛЬНИК КОМСОМЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОГО МОНТАЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЛАВМОСТРОЯ Г. В. МАСЛЕННИКОВ ВРУЧАЕТ КРАСНОЕ ЗНАМЯ ВСЕОБОЮМОМУ УДАРНИКУ КОМСОМЛЬСКОМУ ОТРЯДУ СТРОИТЕЛЕЙ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ.

забилось: и как заступил на вахту, и какое настроение тогда было. Случное, надо сказать, было настроение. Но иням и быть не могло: забой около двух тысяч, овсянине скоро конец, а тут и последни-то метров не возьмешь — долото менять надо. Начали подьем, почти сотня свечей. А время уходит. Как бы вдобавление ни рассундули о достижении любого труда для Метрусенко все умирало, если не было азарта скорости, азарта бурения, азарта работы, которую можно измерить, сравнить, сопоставить, о которой не смеешь лишь расплывчатыми словами «скорости или «долота» — она просто есть, ее видно, вот она... Подняли инструмент. Давно это следовало сделать, еще в ту вахту: широчки-то за забое остались. Теперь надо размачивать, прижидывать, искать выход. А время уходит. Пискауну Метрусенко, спусти новое долото — разбурить широчки пытался. Оставил на забое еще две. Потом их три дня растапивали.

— Ну, тогда Китаев рассирепел, — вспомнил Метрусенко.
— Еще бы.
— А Усольев сказал: «Ты, Метрусенко, рван. Тебе только метры нужны. У тебя даже фамилия такая — Метрусенко!»

— Вот что, Федя, — сказал Макарець. — Будем нарабатывать растор.

Лавно.
Нахобучил каску, толкнул дверь, вышел. Снег сменился дождем, лишь ветер не менялся. Катили одна за другой по песчаной насыпи через озеро «тарты», орняево мерца бокан, — строили новую дорогу. Нахально и доловито полз прямо по ляду маленький трубоукладчик. Толпились тракторы вокруг буровой на дальнем берегу — готовились передвинуть. Прострелял над головой вертолет, пошел с подвеской; — наверное, на Варь-Беге. Везде кипела, везде продолжалась работа, и, кажется, во всем мире только они одни стояли.

— Дожили, — сказал Метрусенко. — Ну, дела.

Он приехал на Самотор пять лет назад, успел заблудить и того и этого. Был он самолюбив, упрям, гордым до безразсудства, в привязанностях и неприязни обескураживающе открыт, любому мог сказать все, но не удивлялся, когда на него начинала коситься. Но больше к нему тянулся, и сейчас в его доме всегда толпятся люди — вахта и бригада, охотники и рыбаки, друзья и просто знакомые, — мамаша Шуран, его жена, уже привыкла к этой вечной толчее, или друзья постаралась привыкнуть, но не подает виду, что постаралась, и в этом ли дело, если вы приходите в дом, чтобы вас выслушали, или помолчать, слушаешь других. Даже если вам расскажут, что пятилетний Козьма, не желая идти в детский сад, залезся в уборную и второй час поет: аболь моя, ты покинь меня; или о том, где надо собирать бруснику и почему «Москвич» лучше «Жигулей»; или о том, как симпатичен зазывающий, полный неизменных достоинств фильм про охоту, режиссером, оператором и продюсером которого был Толья Мюраткин, а сценаристом и актером козляна дома; а еще — о работе, о метрах и о том, как достаются эти проклятые метры.

В этот году он твердо решил стать первым, и он идет первым, опережая Сухроува, Серикова, Богданю.

— И нехота поднимать инструмент, и делать нечего. Давай все-таки смини долото, а? — предложил Метрусенко.

— Давай, — сказал Макарець.

Лапа долота была оторвана начисто. Две оставшиеся широчки сверкали заводской острой зубья, на месте третьей серебрился разлом.
— Ночью спомали, не ниче, — сказал Макарець задумчиво. — У меня была такая мысль, но она показалась мне фантастической. Шлам меня смутил, шлам валял капитально...

— Спомать не могли, нагрузок такж не было. Это заводской бран.

— Возможно. Оставим долото для истории. Черт, хоть с одним хорошо — ясность появилась. Я полночи голову ломал. Стенки, конечно, тоже сыпало. Тут одна причина за другую зацепилась, затуманила все. Теперь будем действовать. Сейчас а Китаеву позволю...

До того, как уйти в технологию, Макарець работал в китевской бригаде. Сейчас он работает с ней, хотя можно по-прежнему говорить, что в ней: сутками пропадает на буровой, не оставит дела, пока не доведет его до конца. Небольшого роста, худенький, в очках, которые придают ему вид скорее застенчивый, нежели солидный, он учился некогда в суворовском училище и сейчас бы, наверное, служил в доблестных рядах Советской Армии, но ведаа о Самоторе, если бы не сокращение армии, неожиданная свобода выбора и неизвестность, недалекая раздумья и Кубишевский политехнический институт. С Китаевым они непохожи, да и задачи у них все же разные: Макарецьва интересуется технология, соблюдение геоло-технического наряда, а уже потом метры; для Китаева главное все те же проклятые метры. Китаев аспыльчив и резок, но отходит быстро. Макарець мягом, но бить его трудно. Оба они инженеры, и им легко друг с другом. Китаев может слушать, его можно убедить; Макарець может оценить, насколько базироборно кемудеется рисованным китевское предложение. Работа на Самоторе требует подчас неожиданных инженерных решений, и надо умеи принимать их быстро. Оба это умеют.

Китаев принял бригаду, которая верила лишь в опыт, ценила только практическую задачу. Выращение «граммной» бурьянщины появилось в бригаде позднее. Демонстративно сельскохозяйственные «практики» учились цепко, с тайной ревностью.

ПРОСЛАВЛЕННЫЕ ТРУЖЕНИКИ ПОЛЯ, ПОКОРИТЕЛИ ЦЕЛИНЫ ПЕРЕДАЛИ СЪЕЗДУ ПОДАРОК — КОЛОС И ЛЕМЕХ ПЛУГА, СИМВОЛЫ ХЛЕБОРОБСКОГО ДЕЛА.

ПРОСЛАВЛЕННЫЕ ВЕТРАНЫ ТРАЖДАНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН ПОЖЕЛАЛИ ЗА МИЛЛИОННОМУ ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОДУ ДОСТОЙНО ПРОДОЛЖАТЬ СЛАВНЫЕ БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ СОВЕТСКОГО НАРОДА И ВПЕРЕД БИТЕЛЬНО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ МИРА И СОЦИАЛИЗМА.

Появились и молодые бурлящики с техником за плечами. Макарец замечал, как менялись настроения в бригаде. Менялись и скорости, росла метры...

— Нет, один задний был у него с Китаевым...
— Что там слышно, Васильич! — спросил Макарец.

— Мудрят... — отозвался Китаев.
— Предлагают извлекать магнитную фрезой?

— Вроде того.
— Соломоново решение. Так мы и до забоя не дойдем.

— А мы будем бурить. Здесь породы мягкие — затолкаем.
— Значит, готовится сенсация для «Литературного фронта».

— Приехал чувак оттуда, он сейчас на буровой. Ему нужны пробы шлама с пятисот метров. Найдут в шлеме металл — заканчивают. Новая аномалия! Чудо природы! — и нефти и металла!

— Ладно тебе. Пусть находят. В общем, я сейчас приеду.
— Давай, Васильич.

— Пробрисал-таки Метрусенко. Ну, упрямый черт, — сказал Китаев. — Пробрлил квадрат, сейчас наращивается.

— Да, бурянички он классный. Таков чувак...
— Надо начальнику смены позвонить. Нам ведь так и не разрешили бурить.

— Но и не запретили. Соломоново решение.
— Алло, это Китаев. Ну, что у нас? Прошли пятнадцать метров. Нормально. Шарошка нигде не чувствуетесь. Вот так.

— Даже погода повеселела. Солнце выглянуло, но теплее не стало. А сон отпустил. Так всегда бывает, при любой усталости, если что-то удаётся, если что-то не зря. Макарец и Китаев сидели молча, время от времени поглядывая в окно

культбудки, за которым открывалась буровая. Шо бурение...

— Я как-то с базы звоню на буровую, — вспоминал Китаев. — Метрусенко подходит. «Что делаем, Федя?» — «Бурю. Ну, да». По-моему, он может бурить, пока вышка не рухнет.

— Но ты погляди, Васильич. В бригаде за год выросли два молодых бурлящика — Мухарметов и Мостаченко. Оба были первыми помбурами у Метрусенко. Умест им что брать у него, и это он отдавать умеет.

К Метрусенко Китаев относился двойственно. Была в нем и преданность бурению и какая-то бесшабашность, легкость, тревожащее нетерпение. Китаев сам любил риск, игру и умение рисковать чем в других, но мера риска должна соотноситься с мерой ответственности. Иначе риск переставал быть риском и превращался в бесплодную авантюру. Та история с шарошками, которые Метрусенко пытался разбурить румынским долотом, прекрасным скоростным долотом, но легким, со слабой опорой, привела Китаева в состояние ярости. Он пригнулся к главному инженеру управления Усольцеву и сказал, что увольняет Метрусенку из бригады. Усольцев, у которого с Федором были какие-то свои счеты, тут же согласился. А наутро Китаев снова пришел к Усольцеву и сказал, что погорячился, что Метрусенку наказан уже достаточно, его временно в подготавливательную вахту перевели, это же для Метрусенко — нож острый, хватить, в бригаде его надо оставить. «Ты всех их покрывай!» — закричал Усольцев. — Гнать пора этих рвачей! «Не гнать, а поправлять, воспитывать!» Еле упрямил, но с тех пор как будто и сам стал относиться к Метрусенко несколько настороженно.

— Да, отдавать он умеет...
— Метрусенко стоял у пульта и ничего не видел, но замечал светило ли солнце или шел дождь, — он только следил за плывущей стрелкой, свеча рывками шла вниз, оставался час до конца вах-

ты, а может, и меньше часа, шло бурение, шли медленные метры, а время уходило. Нет, он видел все: и как кончился дождь, и как выглянуло солнце, и как Валя Гришков, бывший лучший его верхолок, управляет с ключами, привычка к обязанности первого помбура, и что делают Коля Сулдин и Иван Тараненко и Равиль Сырлымбаев, новый верхолок в вахте; он все замечал, а еще видел, как рывками шла вниз свеча, шли медленные метры, а время уходило...

— А что дальше будет? — спросил Макарец. — Дальше? Правда, — сказал Китаев иррачно. — Хота и не хочется.

— Но придется. Двухшарошечным долотом мы еще не бурили, — усмехнулся Макарец. — Ведь со сломанной лопой вахта Богданова метров пятнадцать прошла, и куда эти метры ушли от азимута — одному Богу ведомо.

— Вошел Метрусенко и, не снимая каски, молча стал заполнять вахтовый журнал.

— Сколь пробурил, Федя?
— Шестидесят пять. Разве это метры? А... Вот сейчас Сарыкову — только бурю. За четыреста взять должен. Пусть берет.

Сериков взял 455 метров. Этим и закончился еще один день бригады Виктора Китаева — 17 апреля 1974 года. Трудный день. Обычный день.

Через шесть суток, в день открытия XVII съезда ВЛКСМ, бригада выполнит полугодовой план. Время уходило от них, но они обогнали его. С грохотом стучали часы, билась волна прилива и раскрывалась рукавица, там, где море отступало, реки вальмовали лед и лопались почки, а они работали. Шурилла листва, шестелели майские знамена, дати пропоясались среди ночи и заспили снова под шум дождя, а они работали.

— Это обыкновенные люди.
Песни о них еще не сложены.

НА ТРИБУНЕ — ВЫДАЮЩИЕСЯ **СОВЕТСКИЕ СПОРТСМЕНЫ** ЧЕМПИОНЫ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР, МИРА И ЕВРОПЫ. ВАЛЕРИЙ БОРЗОВ, ГАЛИНА ДЕДУТОВА, А ПРИДА РОДИННА ДЕРЖАТ СМВОЛО СПОРТИВНОЙ СЛАВЫ — ЛЕНТУ С ПЕРВЫМИ ЧЕМПИОНСКИМИ МЕДАЛЯМИ ЗАВОЕВАНЫМИ СОВЕТСКИМИ СПОРТСМЕНАМИ НА КРУПНЕЙШИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ.

ПЕРЕД ДЕЛГАТАМИ ПРЕСТАВЛЕНИ РАНЫХ ПОКОЛЕНИИ ТВОИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК, АРТИСТ, ХУДОЖНИК, ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ. В РЯДЫХ МАЛОИЗВЕСТНОГО АРТИСТА СССР КИНОРЕЖИССЕРА С. А. ГЕРАСИМОВА (крайний слева) — КНИГА НИКОЛАЯ ПУШКИНА «КАПКАЛЯ С ТАЛЬ», ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА С АВТОГРАФОМ ПИСАТЕЛЯ, КОТОРАЯ ВРУЧЕНА В ПОДАРОК СЪЕЗДУ

МОЗГ

Адольф ДИХТЯРЬ

ФЕВРАЛЬ 1955 ГОДА

Что не видел, как замерзший на леду воробей танем падает в снег, тот не знает, что такое мороз.

Впрочем, что значит увидеть? Увидеть можно и по телевизору. Мало ли докладов, которые показывают все на свете, не вылезал из фанельных тачек? Но это не то.

Что такое настоящий мороз, мало почувствовать на себе.

Мороз — это когда только высушены за дверь, перехватывает дыхание и — после пары-двух вдохов — мороз, как палец, заливает инеем. Мороз — это когда муть полыхающей убавиться шаг, лицо садит так, словно по небу дерзнуло нападочное бугаево. Мороз — это когда из никого времени спуска при одной воспоминании о нем сами собой медно передвигаются плечи.

А воробей? Что ж, воробей... Трепещет он подбитым телом ирыльщиками и — иувары. Будто подиженный из мещанина. Завнетися дымою, ивещивать пилью и оседает на чужую воробьющую душнгрину. Слово присылает же шафтанном. И вынужден быть «чин-чин».

Хота, нет... выдает, что и воробей родится сорочине. Олиансь рядом скорый на помощь человек, он поведет окончившую плуку и в гулавах цах, сложенных лодочной, принесет ей домок.

Одного такого кукуваторского подзаборника принес куче-то совхозное общежитие прораб Василий Рагузов.

— Пригретое до отелень, — попросил он ребят, спуская воробьюшку возле Бочки из-под бензина, которую хитроуные хозяева превратили в чудную чепу, «буржуку».

Юра Смык и Вася Шкиль переглянулись, по-ребьчи заглота доросле инеем Андарей Харко. Кто-то, а уж эти трое знали, что Рагузов девичской сентиментальности не страдает, что он немногословен, деловит и требователен.

— До придридричься, — морщился Вася Шкиль, словно ему намалужа губы горчицей.

Рагузовский, не отдавая丝毫 требовательности, он отводил своим ребятам, когда еще все ягодики были вперед, когда в неплакучий степи повесенному желтели цветочки, — в апреле 44-го, — каренным мурлыком серые вороны. За палатками наשמилво пересыпались тощие сурии. А в палатках обвалилось что-то околдо жуко сотен гирей, ровнясь сметом девять денюшек. Все комсомольскими путевками. Перебиваясь с мечтания о будущем на воспоминания о прошлом, новосель ждали и не могли дождаться, когда же они выйдут из трудради чего их как ветром судло с насиженных мест, когда же прилетит по-

ра перекарывать лемехами, на хозяйский лад эту бесхозную землю. Пока им преле деле было только съестливости: шиферы, синие, ашаны в Агбасар, на Перекатную, в Джискы — за семеними, за горючим, за всем прочим, что может пригодиться в хозяйстве; трактористы, перекарывавшие своимим менагладными «дятками» и «эсвасами», чтобы к посевной довести их полностью до ума; новоспеченные бригадирь зомали голови, как в шесте срочи перекарывавшие парникамера в прищепица, а воспитательницу детского сада в ученичку; шиф-повар Голя Клебаный (не повозло влоху с фанельной, когда на общем собрании решили, кому вместо рычого орудовать поварешкой, хором прозвучало: «Клебаную! Кому же еще!») но дня в день рещил одлу и ту же задану: срочи перекарывав на обед есодные, если вара на первое был макероний суп с говяжьей тушонкой и поре на сушеном картофеле, на вторые, а поварешка на туре, — макароны с тушонкой! Словои, у кого было дело, тот без дела не сидел. Однако большинству приключилось прожидать в ожидании горючих денюшек. И вот как раз в директорскую палату заглянул прораб Рагузов, только-только вернувшийся из Агбасара, где он безвысудно сидел полмесяца — выключив стандартные дела, а они по тем временам были в большом дефиците.

— Лука Фомин, будам разбирать центральную усудбу, — обратился он к Нестеренко.

— Сначала будем сдять, а все остальное — потом, — отбир директор прораба.

— Крыша над головой — не остальное, а основное, — не пошел на попятную Рагузов. — И вдобавок вы не дослушали; мне пока и нужен-то всего один метрчик усудбу, — обратился он к Нестеренко.

— Случал будем сдять, а все остальное — потом, — отбир директор прораба.

— Крыша над головой — не остальное, а основное, — не пошел на попятную Рагузов. — И вдобавок вы не дослушали; мне пока и нужен-то всего один метрчик усудбу, — обратился он к Нестеренко.

— Тебе — один, глабуху — два, замлоху — три. У меня, что, собственный роддом, что ли?

Рагузов знал, что нестеренковское ворчанье — это знак согласия, и действительно, поворач еще самую малость, директор согласился.

— Ладно уж, бери свои того! — Выглянув из палаты, Нестеренко толкнул пальцем в первое, кто попался ему на глаза.

Этим первым попавшимся и оказался Вася Шкиль.

Рагузов узнал, что нестеренковская лейтов-двастиметровой, и длинный Вася, ивещивая, потащился за немощными корнями. Васинем. Помчалу Шкиль работалося в окошу, но потом, — в садовом, на гряде, ветвистость, с которой зшто, будто с нею, — в садовом, на гряде, ветвистость его снова и снова перемярять не только что извернуую площадку, выдергивать и отвозить в Нестеренко, но и что выдернутые пошники. Васиню терпеливо выслушал.

— Мартиний труд все это! —

В Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР хранится такой документ: «Собрание колхозников и колхозниц Ленинского района города Москвы, изъявивших желание ехать работать по освоению целинных и залежных земель в новый союз «Неповобдимый», обращается к Коллегии Министерства совхозов СССР с просьбой переименовать вновь создаваемый союз «Неповобдимый» в союз «Ленинский». Обращение принято единогласно...»

Не шигте на карте Казахстана союз «Неповобдимый». Министерство совхозов СССР уведомляло ходатайство молодых москвичей — послышек Ленинского колхоза, которым хотелось, чтобы на землях оставшихся или союзова было быстрое обдоявляющееся по подобию слову «Ленинский».

Почти в каждой целинной роще появились в годы штурма новых земель союз, в названии которого звучало доровое имя. Это было закономерно — колхозы целинники стали производителями славыми дел и традиций своих отцов, которые с именем Ленина шли от победы к победе. И Родина во восторженности оценила героический труд покореителей целины, наградив колхозов пятым орденом — орденом Ленина. Среди тех, кто завоевывал эту награду, был Василий Рагузов — прораб совхоза «Киевский», член Агбасарского райкома КПСМ Казахстана.

Палеко еще до «Киевского»!

А вы, видящий, сопка! Должны до нее, а там, считай, что приехали. Всякий шифер знает: Рагузовская сопка, она в Рагузове как дорослый узалеу.

— Рагузовская? А почему Рагузовская?

— Считать не умею, а врать не хожу. Смыкаю только краем уха, десятик, ним да был когда-то в этом самом «Киевском» прораб по фамилии Рагузов, и будто бы в акурат на склоне этой сопки сыграла с ним беззаче в журику.

— И давно это случилось?

— Родители мои тогда еще только гадали: кто у них родится — мальчик или девочка! А мне, мальчужку, уже, слава богу, двадцатый годик...

«ЗНАЛ ЛИ Я РАГУЗОВА!»

— Знал ли я Рагузова? Ты бы еще спросил: помню ли я, а потом шел фунт лика в ту пору, когда сторушевик был с носовой палатой! Человек, про которого мне сказали, что он был последним, кто видел Рагузова живым, вскинул левую руку

и небрежно помахал у меня перед носом палецной.

Впрочем, то, чем он помахал, палецной можно было назвать, лишь прибегнув к заводской натяжке: на руку насчитывалось всего-навсего два пальца. Большой и мизинец. Туповерте, они кривлялись, как рожи Босенка.

— Видишь, да! — спросил он, словно не сомневался в полноценности своего зренья. — Два — при мне, — три — у меня. Что попутится? Даже кукиша не попутится... Передернув плечом, он сердито сунил руку в карман лидайка.

Агбасарский житель Иван Степанович Навнов был тем самым шифером, вместе с которым Василий Рагузов ушел в тот, последний рейс.

— Нам тогда довелось побакраться между жизнью и смертью, — продолжал он. — И скажу тебе откровенно: лучше лишиться трех пальцев, чем одной головы... Только, — он глядел поверх моего плеча, — только Василий не узнал про такой итог.

Человек того возраста, который принято называть средним, соммунил свои рассказы, выдвигая выды глаза.

— Случилось это в 1955 году, в феврале...

обрушился на... Ну, промахнулся на пару сантиметров... Дома-то здесь будут стоять тишины, а их габариты вымерены вымерены... Иначе не изобрести еще равно встанет, нам ему полюбился.

— Я люблю честную работу,— спойно ответил Рябузов,— а честная работа — это значит сесть ра отверть, один раз отбить.

— А вадно же, чтобы раздала — и готов!

— Тогда мы с тобой не сработаемся — так же спойно ответил Рябузов, и подлинная вертушка загрохотала. А Рябузов разогнулся — и в тот же миг Морю стукнул по лбу, и Морю стукнул с вольничей организации Поддубного. Поддубный упустился в дотвесе, вынул палевомерную организацию, прямых жонглеров веспранительную илюзию. Как он разинился комсомольской путевкой, оставалось только гадать, но сам он был чистосердечен.

— Вдаль от шума городского летит баранок в топованную Илану Гошю свое свитее — Иванову, Иозору, Днаношу. Морю он игнорит на гиталоном. Морю он дергает при себе потому, что Морю увел игнорит на гиталоном. Морю он дергает при себе потому, что Морю увел игнорит на гиталоном. Морю он дергает при себе потому, что Морю увел игнорит на гиталоном.

— Дано бы мы абивали первый колхоз! — бросил риторический вопрос директор. — А теперь вот земля приспела для первой борозды. Кому доверить почин! Мы вот, — поделал он артистические злы, — тогда мельче двадцати сантиметров не будет.

— Шерф быстро подзаправил иглоном, и Рябузов с трюкой хлопцев пустился в погоню. Дерзители настигли на Перекатной. Намяли для пачки Бона, скрутили, затурили в курол и доставили в пункт. Там сидели Иванов, и Днаноша, и Колязю, и Смылка. Только Поддубному улыбнолюсь звачье счастье — он, оставив артефакт в беде, пригнул на подношью протодожного мимно попустене товарника и был такюв.

Вечером было собрание. Трудюбно было тарател днанош. Электрическая лампочка залилась подпадающим светом лица людей, сведенных прямо на земле. И нельзя было на этих лицах подметить ни тени сияющего.

Я предлагаю, — сказал Рябузов, — выехать в сетевых крест, — отобрать у всех четверых комсомольские путевки, записать в их трудовые книжки, что они изгнаны из совхоза как лидеры и тунеядцы, а за порчу пла-

тун отдаст под суд. Залчл их с руи на ртом милиции. — Схватил Рябузов, — а берусь лично.

Воздержавшись не было. Предложение Рябузова приняли единогласно. С одним уточнением. За сына заступился совхозный директор Кабазин, и по его ходатайству Морю под честное слово оставили в Киевском. Рябузов был против. Рябузов доказывал, что Сыма не заслуживает побилашки, хоть вина его и меньшея, однако собрание поддержало парноком. А через несколько дней познакомились с Рябузовым и Харько.

ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Началась первая пахота. Договожденная и непотворная. Между столбами, на которых еще ввара была распелена вольебольная сетка, вздувались и опадали, заплесал под ветром отрез кумачового ситца. На нем белые бунты: «Победил день жизни, а все осталось» — побочья. А так было изложено решение, принято открытым партийно-комсомольским собранием, состоявшимся накануне.

Три часа диллось, нет, не диллось — промелькнуло в мгновение ока, — это собрание. Шумное до крипы и азартное до блеска в глазах. — Дано бы мы абивали первый колхоз! — бросил риторический вопрос директор. — А теперь вот земля приспела для первой борозды.

— Дано бы мы абивали первый колхоз! — бросил риторический вопрос директор. — А теперь вот земля приспела для первой борозды. Кому доверить почин! Мы вот, — поделал он артистические злы, — тогда мельче двадцати сантиметров не будет.

— Шерф быстро подзаправил иглоном, и Рябузов с трюкой хлопцев пустился в погоню. Дерзители настигли на Перекатной. Намяли для пачки Бона, скрутили, затурили в курол и доставили в пункт. Там сидели Иванов, и Днаноша, и Колязю, и Смылка. Только Поддубному улыбнолюсь звачье счастье — он, оставив артефакт в беде, пригнул на подношью протодожного мимно попустене товарника и был такюв.

Вечером было собрание. Трудюбно было тарател днанош. Электрическая лампочка залилась подпадающим светом лица людей, сведенных прямо на земле. И нельзя было на этих лицах подметить ни тени сияющего.

Я предлагаю, — сказал Рябузов, — выехать в сетевых крест, — отобрать у всех четверых комсомольские путевки, записать в их трудовые книжки, что они изгнаны из совхоза как лидеры и тунеядцы, а за порчу пла-

торме замаяжусь стотысячным делити, забороженный в зауральские степи с палками новосибирскими жидлоном. Всего миллионы гентаров — восемьдесят тысяч надратных километром.

Рябузов рун в «Ижевские» было хоть и мав развал и обмелел, но все же меньше, чем достаточно. Там что, нанн не верте, все другие дела пришло временно свернуть.

Свернул свою вертушку ленту и Рябузов. Дело в том, что приказоз директора хлопцев на стройбригады тоже мобилизовали на полевые работы. Они стали прицепниками, учениками, вододелами — что им.

А вы — проорав, — улетчинил Луна Фомич, обмолнел и Рябузов. — Загорать моршно и в поле... Я хожу бы тоже там поработать.

— Помощником бригадира пойдете? — расщедрился Луна Фомич. — Помбрат, конечно, не проорав, но... Я человек не тщеславный. Мне больше в прицепниках...

И Рябузов был определен прицепником и транспортеру Андрою Харько. В партию бригаду.

Словом марфеятом, годовые одолели, вымывающие силы, вымывающие душу километры, чернели у края поля ровенской шеренгой десять внушительно мощных «С80». Еще не побывавших в переделе, побывавших заступал. Плантажу без вымятин и шарпанн на колоте, без шербин на гусеницах. Каждый сцеплен с патикурсорным плугом. Пять лемехов — пять зубоб-резов, наворстренных на лямковом кусок.

К Рябузову подбежал запаренный бригадир. — Дерни регулятор вот так, — предлоил он артистические злы, — тогда мельче двадцати сантиметров не будет.

Обогнув трактор, бригадир замер на виду у всей шеренги. Концы наметкой пока борозды срывались где-то там, в голубой дали, в сорока километрах отсюда, перед полевым станом второй бригады.

Трактор содвинулся. Рябузов наметкой обогнул трактор. Плантажу сцепка. Трактор дернулся и медленно пополз. Лемеха врезились в землю. Черноземный пласт вывернулся наизнанку, радуя глаз бархатной чернотой.

Но что это? Протачивались метра три, трактор осунулся. Харько, словно филин из дупла, высунулся из кабины на четкой пока борозды срывались где-то там, в голубой дали, в сорока километрах отсюда, перед полевым станом второй бригады.

— В чем загвоздка? — инулся и немуд бригадир. — Не тянет! — в отчаянии простонал Харько. — На Украине я двумя патикурсорными пахаю, и ничего, шю как по маслу. А тут, — обижено развел он руками, — и одному не по зубам...

Остановились и остальные машины.

Равше ли, позив ли, но остановились. Мощным «С80» не хватало силею. Спресованная, густо протачиванная травяными корнями целина не давала ходу плугам.

Придется пахать тремя корпусами, — не прудила время лучше бригадир и обнадлежал: — Может, дальше пойдет пахотка...

Но пахотке не пошло. 12 часов — то на первой, то на второй скорости — поплыл трактор по непоторной целине, и за ним тамлюсь лосившееся поплотно плано, которое было в два корпуса уже, чем наделись хлопцы. 12 часов трагика, на местях своих «стуслачка» прицепники. Черные от жирной пыли, которая клубилась так густо, что свозке не моршно было смотреть на солнце. Странно хотелось пить. Но хлопцы знали, что до воды — сорок, тридцать, двадцать, десять километров, что, пока трактор не достигнет до поля, в каше не короткая переждиши.

Только в седьмом часу — измочаленные, измотанные, разбитые — добрались они до вагончиков второй бригады. Этот объект, сестровской, встретивший их запахом наваристого борща, бряжнем кружек у края ведр, зномом алюминиевых лисок, потрескиваем огия в полевой кузне и жалостливой скоростеркой поварихи Настя, показався им уютным, как ночной станок.

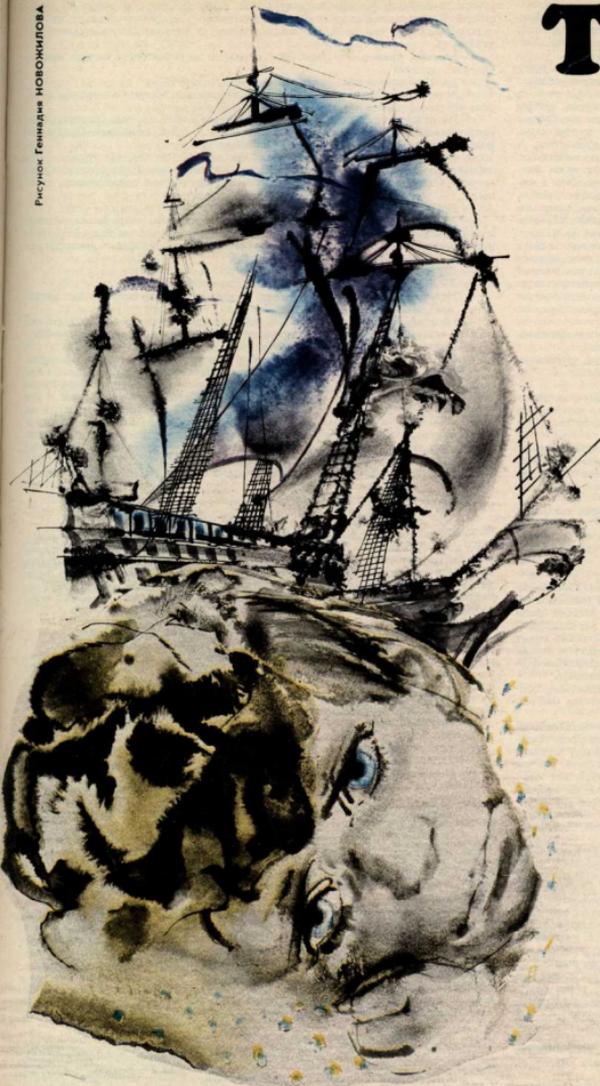
Три часа спуты, заправи себя и трактора и даже вздремнул, ни собрания в обратный путь.

У кабины Харько замечались. — Слушай, прицепщик, — тронул он Рябузова за рукав. — У меня идея. — Харько замаялся, словно у него язык не поворачивался вырвать аслуш, то что пришло на ум. — Тут дело такое: если поднять лемеха сантиметров на пять, можно будет и пахать на все корпуста и скорость прибавить. — Собрание, сколько выигрешь сразу!

— Сообража-а-ао... — протнул Рябузов. — Только в лобую чистую работу. А когда работашь чисто, и польза больше, и совесть чище. — Соображешь, сколько выигрешь сразу! — Он подползал Харько по спине и добавил деловым голосом: — Слышишь, наши уже двинули... Пора и нам.

— Извини, если что не так, — пробурчал Харько и сердито дернул рычаги кабины.

Трактор заруал, выстрели искрами в морозе небо, словно отдал команду, и испорол засветившимся фарамн тельюму. Рябузов опустил штурвал всем телом, как по плугу пробрела мелкая дрочка. И соловь вышло идиленое, угорное единоростом с неуступчивой целиной. А справа и слева (близко — больше, как луны, подальше — похоние на городские фонари, и совсем далеко — капелюные, точно

Королевский сын

Андрей ЯКОВЛЕВ

РАССКАЗ

2. «Смена» № 13.

Таня просыпается как обычно: из матрасных толстых шпоров Скворца дремоту слышится, как ходит она по коридору, осторожно передвигает чайник на плите, идекает холодильником. Значит, пора вставать. Сколько же сейчас времени? Таня приподнимается на локте и отодвигает занавеску. Сердитая физиономия будильника показывает без пяти семь. Вот до семи и буду лежать. Она зарывалась в подушку и со сладким чувством раскатыя закрывает глаза. Почти точно на плечо ложится теплая мамина рука.

— Танюша! Вставай скорее. Уже четверть восьмого.

— Ага, Сейчас.

Открыть глаза просто нет сил. Когда-нибудь это кончится! Нельзя же каждый день не высыпаться. Вот возьму отпуск, и буду спать на двенадцати. Или вообще все день буду спать. Мама, не выдержай, аргументуй же е родительскому чувству.

— Танюша, так же встал! Встало нужно готовить в школу. Он опоздает, и ему напишут в дневник замечание.

— Мама, ему не за это выписали замечание, а за то, что он с Генкой Скворцовым дрался, и они еще чернилами друг друга перебавляли. Так им обоим и надо!

— Ааааа, давай буди.

Она накликает халятик и говорит грозным голосом:

— Васяка! Немедленно встанай! Опоздаешь на физикутуру!

Конечно, он лежит так: голова в одной стороне, подушка в другой. И вот эта голова медленно поворачивается, и на Таню смотрит ехидный синий глаз.

— А я и не сплю уже. С шести утра.

— А чего же лежишь?

— Потому что думаю.

— О чем?

— Про корабль.

— Ну, хватит думать про корабль, немедленно иди умываться и делай постель.

— Успешее.

— Вася, я рассержусь.

— Хи-хи.

— Вася, я серьезно рассержусь.

— Мама, ты тебе не верю.

— Ах, ты мне не веришь! Так вот сейчас! Сегодня ты никуда гулять не пойдешь! И тебе просто не надо! И потому раскатыя зыбавис. Будешь учить уроки на всю неделю вперед. И пока не выучишь, не дам смотреть телевизор!

— А я тогда совсем не пойду в школу!

— Как это не пойдешь? А куда ты пойдешь?

— На работу.

— На какую?

— На любую.

Таня уже давно замечала, что Васяка ее заводит. Как-то ему это удается. И хотя она знает все заранее, подальше с собой ничего не может. Самое обидное то, что этот раскатыя беспрестанно поддучивает, а она втягивается и начинает говорить с ним серьезно. Нет, зубоскальство нужно прекратить.

— Васяка! Немедленно марш в ванную без всяких разговоров! Мама! Он меня не слушает.

Из кухни приходит бабушка. Ее Васяка побавивается. Знает, что никакая демвогитис с ней не пройдет.

— Вася, в чем дело?

— Бабушка, да я уже сам иду!

Потом он долго чистит ботинки, которые безнадежно запачкал вчера вечером. Время уже к восьми, мама нервничает и хочет ему помочь, но Таня ей не дает. Тут она на высоте педагогической науки. Ребенок должен сам исправлять свои ошибки. И пусть он опоздает, и пусть его накажут. Ничего, в другой раз задумается, прежде чем поехать в школу. Что, разве не так? Тут Таня замечает, что Вася уже топчется, ботинки и теперь водит грязной шеткой по полу, задумчиво что-то бормоча.

— Васяка! Ну скажи на милость, о чем ты думаешь?

— Про корабль.

Нахонен Васяка умри, закоормен и бодро шагает в школу. Таня садится за пива из окна. Он шагает прямо по асфальту, стараясь не пропустить ни одной дырки. Она кричит в фототрубу: «Не смеи!».—но си даже не оборачивается. Это какой-то удивительный ребенок. Половину их наставлений он просто пропускает мимо ушей. И не из упрямства, а потому что о многих вещах у него уже есть собственное мнение. Она с мамой вкрут него колаутет, чувствует, что-то забавляет, что-то делает лишнее, а он вырывает на них спокойно и несколько свысока. Уроки делает легко, по физикультуре бегает всех быстрее, картинки, которые он рисует, собираются слать на какую-то выставку. Правда, по пеню почти двойка. Но это фамальное: ей тоже мамаша на ухо напустила. Да и вообще неслы заставляла ребенка делать то, что у него не выходит. Слава богу, у Васяки выходит почти все.

— Таня, ты заснула? О чем ты думаешь?

— Про корабль.

С мужем они разошлись два года назад, Васяка еще в школу не ходил. С той поры мама все беспокоится, как бы Таня не свихнулась. Она употребляет именно это слово. Когда Васяка засыпает, мама часто ведет с ней длинные разговоры, не имеющие под собой никакой почвы, кроме душевного волнения и обиды, что у дочери все так поаульшится. Но вслух этого мама не высказывает. Напротив, она говорит, что сложилось все просто чудесно: что у Таня есть Васяка, а тем она ни в когда не была бы счастлива, один сплошной мучи. Она никак не может заставить себя назвать Милуку по имени. «Она», «той», «той» — и больше никак. Таня считает, что мама придет этой

Пятилетке — ударный труд, мастерство и поиск молодых!

КРАСНЫЙ СТЫК

Алексей НИКОЛАЕВ
Владимир ЧЕИШВИЛИ (реж.)
фильм о строительстве
«Симон»

ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ВЯРЫ.

Напряженье нарастает с каждой минутой, отсчет идет уже на секунды, и все же взрыв привел неожиданно.

Это могут подтвердить все, кто был той ночью на 269-м километре трассы газопровода Шаталык — Хавы. В 23 часа 47 минут грохот и ослепительные пламя взорвали глухую темноту пустыни. В следующую секунду потекли все звезды, ярко светившие над Каракумами. Осталась пламя — бушующий и ревущий столб огня, взметнувшийся к небу на сотни метров и от черноты космического обрамления казавшийся еще более фантастическим. Он загорался силой неистовой жизни, свивался в смерчевые кольца, напоминая клубок разъяренных змей, и с нарастающим ревом уходила ввысь сквозь темноту ночи. Казалось, вет на земле силы, могущей укротить огненного колосса.

Пламя бушевало больше часа, меняясь в цвете и силе голоса, раскаявая воздух и песок окрест лежащей пустыни: она становилась огненной и, казалось, сама извергала огонь. Все было так, как хотели люди. Но чтобы объяснить читателю суть происшедшего, мы должны «прокрутить» события обратно.

Началось с сейсмического взрыва. В

экспедиционном отчете сказано: «Обнаружены признаки газовых залежей». Место, которое получит впоследствии название нулевой отметки, не имело тогда имени и не значилось ни на одной географической карте. Вероятно забрал геофизиков и вторым рейсом забросил сюда, в случае барханы, отмеченные лишь постоянно меняющимся, но не-пустынным однообразным свеем, — маленький отряд буровиков «Туркменнефтегазбаки».

Это был день 12 февраля шестидесяти седьмого. Не знаю, о чем думали тогда Александр Шингиз, Георгий Мелинда, Агаджан Мухадов, Владимир Калинин, другие робинзоны пустыни. Народ это все немногословный, привыкший к их мысли так же трудно, как найти газ в каракумских песках. Охотнее говорят они только о работе, потому что создают ее жизненную необходимость. Вот почему с большой долей вероятности можно предположить, что и в тот день, ставший началом всего, думали они о привычной им, но всегда новой работе и, конечно, ответственности, чувстве которой у людей такого калибра тоже никогда не притупляется. А потом было все, что бывает в их деле — трудные метры веревки и как шаг задаточной («разведка разведкой») скважины, монтаж фонтанной арматуры, морозы с колючей поземкой сухого снега, ледяной ветер, сводящий паль-

ВСТРЕТИЛИСЬ.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ.

цы колючеющих рук, и обжигающее прикосновение металла; была изуродованная пятидесятиградусная жара, болот, истеричное солнце пустыни и опыт обжигающего прикосновение металла — все то, что испытывает человек, дерзнувший на три тысячи метров провибрировать в земные недра, — тяжелая и будничная работа, если не считать ваджады, которая согрела зимой, давала прохладу летом и владела каждым из этого маленького отряда буровиков-инженеров. Надежда вытала по вечерам в привычных объектах вагончиках, когда все (о чем бы ни шел разговор) сводилось к тому, что «может ведь быть, наше месторождение...».

Прошел год, день в день (как будто сама природа позаботилась о заслуженном юбилее), и 12 февраля шестидесяти восьмого через узкий, восьми-вадятимиллиметровый штуцер ударил поток газа.

Нужно ли говорить о чувствах, окативших людей в эту минуту?

Но они станут еще более сложными, если сказать, что дебит источника составил 760 тысяч кубов газа в сутки, а давление продолжало расти, доводя и без того грандиозную цифру до миллиона.

лением в семьдесят пять атмосфер, газопровод выложен из труб диаметром 1420 миллиметров, а это значит, его пропускная способность втрое больше, чем, скажем, на трассе Букара — Ураля...

Эта подробность сообщает мне член комсомольского штаба стройки Михаил Харченко. Крупная и крепкая фигура, обветренное, загорелое лицо с трехдневной щетиной, с легкой хрипотцой, с вострой голубой окладистой шапкой в эту рабоче-походную обстановку, и, как во всех сидящих у костра, видно в нем напряжение последних суток. Нужно распрощаться Михаилом о трассе, о том, чего самому не удалось увидеть, но времени у него в обрез. Однако, торопясь, он что-то быстро пишет в блокноте, отравляет и подает мне листок.

Сегодня подчасник... говорит Михаил. — Может, пригодится.

Вот на выбор несколько цифр. Трасса Шаталык — Хива — это сорок четыре с половиной тысячи труб, сварщиков в одну смену почти пятьдесят тысяч рейсов трубозавоз; и, наконец, триста четыре тонны использованных электродов...

... Сейчас пойдут последние. — Он смотрит на часы и поднимается. За ним встают остальные. Мы направляемся к траншею. Впереди в своих рабочих доспехах «золотая сборная» сварщиков. Теперь слово за вами.

В десять утра кашалуа и зачастую компрессор, разорная тишина пустыни. Врезан морные трубокладчики, подвинувшие над траншеей два конца трубы.

Крепко ступая, как моряк на качающейся палубе, по трубе к месту стыка идет бригада Нани Ужаков; сегодня ему руководить бригадой сварщиков. Видно, что работа Нану хорошо знакома, но видно и то, что сейчас он как-то особенно сосредоточен и собран. Пристальным взглядом издали видно опущенные коленные охваты дымят свое хозяйство, высокая фигура выпрямляется во весь рост на черном лоснящемся теле трубы. Похоже, что стоит он не на крутой, скальной поверхности, а на твердой бетонной площадке. После короткой паузы, как это бывает перед взмахом дирижерской палочки, чуть заметным движением руки Нани подает команду, и в такт ему сразу взрывается трубокладчик, дробно ступая, отвалился натянутые, как струны, стальные тросы — и едва заметно на взгляд начиная сходиться торцы трубы.

Бригады выстраиваются и, точно сцепившись с толгой трубы, махают движением кисти подает команды машинистам трубокладчиков; они должны понимать бригадира с полукругом; от их совместной работы зависит сейчас зазор. Как будто бы совсем давнись в тело трубы, Нани внимательно и пристально следит, как сходится, выравниваются по оси трубы и миллиметр за миллиметр, сужается зазор. Стоп!... Есть! Можно варить.

В траншею спускаются ветераны трассы Николай Котов и Анатолий Немалов. Первые молнии сварки — и пошла пошла шпала. Руки сварщиков кажутся неподвижными, как укрепленные крошечейны. Но видно, как медленно, сантиметр за сантиметром, идет чередой бурная сварка, как накаляется в зазоре, становится вязким и твердеет металл.

Вторая вара — Сагим Утгиенов и Антон Мусук — спускается в траншею. Еще один ровный слезный шов опоясывает черное тело трубы, а в траншею спускается Николай Шабельников в паре с Анатолием Безмятежных. Солнце стоит высоко, труба накаляется — не прикоснуться! Работать все труднее. Но работают ребята, что называется, не глядя под локоток.

— Молодцы, — говорит кто-то за-

ди, и в ответ знакомый мне голос из кашалуа штаб стройки Искандера Данира-Ходжаева:

— С такими ребятами мост под огнем хорошо наводится.

Видно, как готовится спуститься в траншею Юдахий Атабаев и Геннадий Посохин. Биографии этих парней, теперь признанных асов-сварщиков, складывались на всевозможных ударных стройках; здесь пришел опыт и мастерство, которое стало на трассе легендарным. Рассказывают, что Геннадий Посохину на строительстве головных сооружений в Наине поручили сварить двести пятьдесят стыков малой трубы диаметром всего четырнадцать миллиметров. Шутники предлагали электрический паяльник для ювелирных работ. «Обойдемся», — сказал Геннадий. Он сварил все двести пятьдесят стыков так, что даже самые придирчивые работники ПИЛа (недреманное око над сварщиком), как ни старались, не нашли в его швах ни одного свищика... Сейчас сварившему свою рабочую биографию уже шесть «красных» стыков, доверено варить последний — лицевой — шов газопровода Шаталык — Хива.

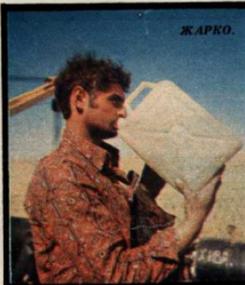
Положий в своем снаряжении на космонавта в скафандре, Посохин низко пригнувшись к черному телу трубы и точно соединив всего себя со стыком контактом, осмысленно оглушая сварки. Сейчас в этом пламени был он весь — его ум, нервы, опыт, мастерство, его рабочая гордость. Движения отточены и выверены, как у первоклассного хирурга. Кажется, что он работает косметический шов, а труба не металл, но живое человеческое тело.

Последние сантиметры. Самые последние. Последние!

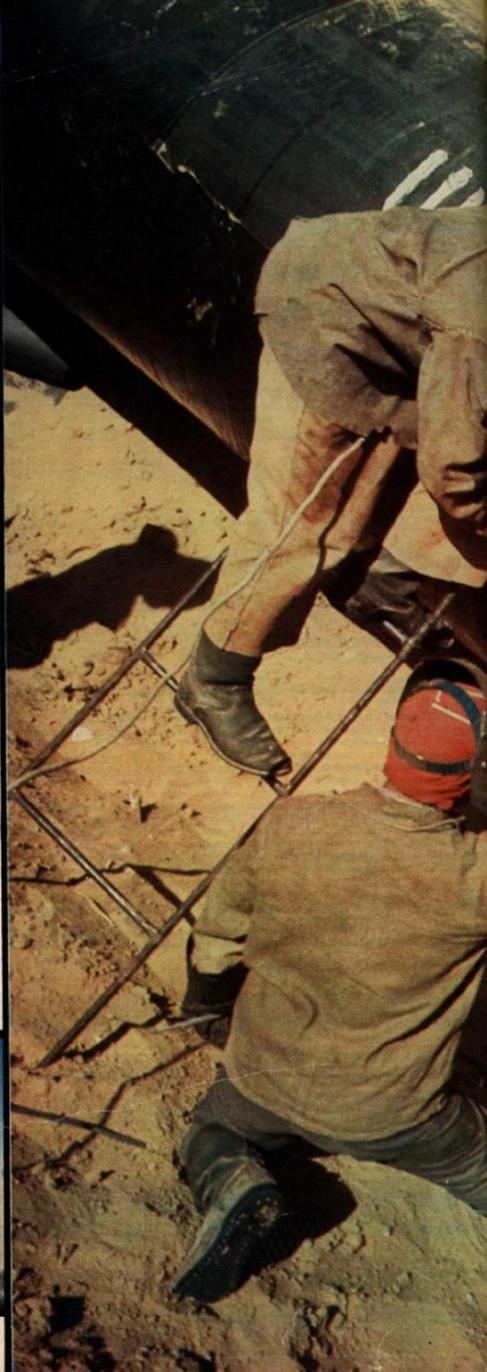
Геннадий выпрямляется, откидывает запертую маску, тыльной стороной ладони — жестом истинно рабочего человека — вытирает пот, замывавший ему глаза, смотрит на остаток электродов в левой руке, улаживает и бережно, как драгоценную реликвию, опускает его в карман...

В ожидании вертолета мы видим, как устрем, затаивая городок строителей на 269-м километре трассы, в самом центре Каракумов. Кажется, сейчас подойдет тягач, подвинет всю кашалуа серебряных вагоночек на колесах и потянет это временное жилище через пустыню к испытанному центру цивилизации. Но уже садясь в вертолет, мы видим, как к одному вагоночку тихо подкатывает КраЗ, стоявший тут же трубокладчик легко поддевает контейнер и опускает его на песок. А взлетая над городком, мы видим, как из контейнера выгружаются мешки серпент, котом бегсуга белым боком холдальник «ЗИЛ», еще что-то...

Люди решив обособиться здесь надолго — на очереди вторая вилка газопровода Шаталык — Хива.

ЖАРКО.

Петрусь БРОВКА

Чайай

по улице идет

Я верю,
Что Чайай бессмертен,
Что дожил он до наших дней...
Вот он сегодня на рассвете
Идет по улице своей.

Над ней зarya стоит высоко,
И шелест праздничных знамен.
Когда-то
Пролетел, как сокол,
Снеоыз этот тихий городок.

Дома поднялись к небу смело
Над майской песнею свирцов...
Давным-давно уже
Нет белых,
Нет фабрикантов и купцов.

На праздничные транспаранты
Дожились луч — огнет и ал.
Идут на площади демонстранты,
Гремят «Интернационал».

Плечом к плечу идет с другими
Чапаев,
Думу затая —

Мое на каждом доме моя,
Так, значит, улица моя.

Идет по городу с колонной,
И взгляд туманится слезой,
Когда читает он:
Буденный,
И Ворошилов, и Лазо.

Из светлых окон льются песни,
Звенит в садах орнестров медь.
Так вот за что
С другими вместе
Мы шли на подвиг и на смерть...

В Михайловском

Взволнован встречю с поэтом.
С тех пор, как стал азы учить,
Все время я мечтал об этом —
Михайловское посетить.

Все тот же бор и те же горы,
Лес, как при нем, шумит листвою.
Хожу по стежкам,
по которым
Ходил изгнанный молодой.

Все тот же свет сквозь ветви сада,
И пруд свой вид не изменил.
И тот же ветер, что когда-то
Его крылатку шевелил.

Ту песню, что давно пропета,
Деревья знают наизусть.
Под ними, знавшим поэта,
Свои стихи читать страшуся.

Я сердечен их писал влюбленно.
Но трудно их поставить в ряд
Со строками, что эти кронь
И ныне в памяти хранят.

И только лишь одним горжусь я —
Среди гостей со всех сторон
В здесь
С наказом Белорусь
Поэту передать поклон.

Годы ушли в листопады и вьюги,
Пролитых осеней клемы — плывайте...
Где вы сейчас, моей юности друг,
Хоть на часок соберемся давайте!

Вновь за онолицу выйдем все вместе,
В мир разнотравья — пестрый
И сладкий,
Вспомним забытые шутки и песни,
Может, сделаем и слезинку утрадой.

Мы у костра погустим без причины
Где-нибудь на приозерной поляне,
Скрутим цыгарки из листьев ялицы,
Чтоб утонуть с головою в тумане.

Лес за костром канет в сумраке
черном,
И соловей будает петь — не зевайте.
Бульбой половакмысь печенной...
Хоть на часок соберемся давайте!

Перевел с белорусского Иван БУРЦОВ.

Александр ЦЕЛИЦЕВ

Черкасская мельница

Светлой памяти отив,
погибшего под Калугу
2 апреля 1942 года.

На буром смытом берегу
Стою один,
года считая,
Застыло время на бегу,
Кричит в леске воронья стая.

Какие чувства и дела
Поставил я омуту печали!
Здесь раньше мельница была,
Ее Черкасской величали.

Красивый мальчик, молодой,
Силен, как бог,
и добродушный,
Затянул песню над водой —
И бег реки
ему послушен.

И расстелась клонный дуг,
Его вдыхала все планета.
И ни один еще ветух
Не пел зарю
Того
Рассвета.

Но всколыхнула мир:
«Война!»
И солнце в мареве заблосило.
Из края в край
«Вставай, страна...»
Могучим валом прокатилась...

Ушел отец,
Безмолвный крик
Летел вдогонку
Над рекою...

И жил на мельнице
Старик,
Как слепой голубь
Под стрехою.

Жил, как в тумане,
Как в дыму.
Терялась часто мысль у деду.
Но мама верила ему,
Что, мол, придет отец
С победой.

Земля ходила задонум.
И танки зло злеба молочил.
И кто-то сумрачно
в мой дом
Нес позоронку
Через поле.

...
Что ни ночь,
То и ворох snow.
Этих жизнь не может
обидеть...

Ты, отец,
вндол трех сынов,
А меня не пришлось увидеть.

Знаю я — не твоя вина.
Ты так ждал,
Слышались, баба!
Говорила мама,
Виновата во всем война.
Ах, как жить оставалось
мало.

Ты пришел бы
Хоть раз
Во сне.
Слышались, баба!
Чего тебе стоить!
На земле сейчас
Первый снег.
Приходи,
Слышались, сердце стонет.

Приходи на заре,
До зари,
Путь далек,
Но ведь ты отважный.
Наш бы надо поговорить
Обо всем.
И о самом важном.

Расцелуемся по-мужски,
Не постыдимся скрыз слезы...
Над твоею
Льют лиски,
Надо мною
Шумят березы.

Ночь глухая.
Все сын да сын.
Тяжелая встреча желанной
нет.
Лишь дожждя я новой весны—
И куплю на поезд билет.

Будет наша встреча горька.
Вот и новой весны
предвостини...
Между нами
годок река.
Скоро станем с тобой
ровесники.

...
Эти красные гвоздики и тюльпаны —
Наша гордость,
Наша боль, отец
взгляни.

Над землей висят
багряные туманы.
Над землей восходят вечные огни.

Тяжело тебе
под грузинским венками!
День Победы:
павшим — слава,
память,
честь!

В изголовье встал солдат
на вечный камень.
Имена твоих друзей, отец,
прочтесть!

Как высок последний берег!
Что округа!
Даже наша жизнь
тебе, отец, видна.
Верь гляди тобой спасенная Калуга,
Серебритса облака,
как седина.

Как безумные солдаты шаг ченаят!
Все живые перед павшим
в долгу.
Пусть бесследно жизнь, мол
песчинкой канет.

Если в главном
я когда-нибудь солгу.

...
На буром смытом берегу
Стою один,
года считая,
Застыло время на бегу,
Кричит в леске воронья стая.

Безбрежной силой полных вод
Слизнуло ветхую плотину.
Невозвратит тот давний год,
Навечно он затянута тинок.

Но память!
Память, ты жива!
Великий босая над рекою.
Твоя заветные слова,
Знай,
не давали мне покоя.

Ты двадцать лет меня вела,
Маминка к омуту печали.
Здесь раньше мельница была,
Ее Черкасской величали.

Нет мельницы твоей, отец,
К земле склонилось на колени,
Пою НАЧАЛО —
не КОНЕЦ.
Ведь хлебный дуг,
как свет,
Нетленен.

Сергей ПОЛИКАРПОВ

СТИХИ О ШАНКЕ

И
 Что ж, и вправду она тяжела,
 Мономах престольная шапка,
 Если совесть тебе
 Не дала
 Государя ни валко,
 Ни шаhto.

Если csak трезвешь во сне,
 О худой размышляя границе,
 И не найдешь сладости в вине, —
 Свемий ум в родниковой водичке!

И на сердце —
 Ледяные дела
 И забот о прокорме охалки...
 Потому она и тяжела,
 Мономах высокая шапка.

II
 По Сенке — шапка,
 Саррафан — по Марье.
 Поиди попоруби,
 Переспори века!
 Что твой протест!
 Истинный лисх комарик
 На холке у ревуащего быка.

По Сенке — шапка,
 — Не противься, Сеня,
 Напрасно иочваряеиство твое,
 Не прошибить
 Веток бетонной стены,
 Дрежуего сплюкнатыя ея.

Примеривай!
 А то и без примерки
 Натягивай на голову трузи...
 В метельный толчек
 Березы моркнут,
 И месаы,
 Как подбитый глаз, распух.

Болельный!
 И с натугой,
 А помыривает,
 Распукая тени по углам...

По Сенке — шапка,
 Саррафан — по Марье
 И золотой орешек —
 По зубам!

Ночь под ногами,
 Как древесный уголь,
 И леденитох хрустка
 И черна,
 И конь мой
 Злоумшленником угнан,
 И где лавкты!
 Не слыцешь ведуна.

Какой-то тайный говор —
 Не иначе,
 В пряделе —
 Сатаииска ружа!..
 Отчавные в ноии —
 Спелая кляча,
 —
 Осушиси только пятюю
 О бока,

Начнет тебя
 Морочить по спиралю,
 И в польнью
 Недогой угодути!..
 Судьба
 Лынает разума вначале,
 Кого приговорила погубити.

Растапили окаинная добыча,
 В каюк, Пегас,
 Уырлись ты лугаи!..
 Ночь под ногами,
 Гуляю хохот смейчи
 На четьрех пощепце углак.

До слепоты,
 До помрачнения
 В кустах, за сонною рекой
 Свою таблицу умножила
 Зубрит чукучка день-денской.

Всем черствосердым в назидание,
 Для устрашения блудных,
 Знать,
 Измыслил бог ей наказанье —
 Своих подидайшье считать.

А как не сбиться тут со счета!
 В гнездоох каюдох, починать,
 Намен оставили ою кто-то...
 Всео мизнь считай,
 Всю мизнь считай!

До сухоты,
 До помрачнения,
 До предрешиенной немоты...
 Реки лемное теиченье,
 Ольхю оглохшие кусты!..
 *
 Все никак с тобою не расстанусь,
 Все ничем не отблагодору,
 За такою великую усталость,
 За любовь,
 Впадавшю в зарю,
 И за то,
 Чему названья нету,
 Что из душ истаргивает стои,
 Делает поэтом
 Не поэта,
 Словои ты на небо вознесен.
 Не расстанусь все никак с тобою,
 Не приамую к ампли ледяной,
 Что гора
 Не сходится с горою
 И ничто не вечно под луной,
 *
 Все понятя эти
 Расстайжи!..
 Не расстанусь все с тобой никак...
 Вековеина мизнь,
 Когда мы живем,
 Вековеина солнце, воздух, злак.

Сей промысел во мне
 Откуда!
 Кто, проридатель, обрету,
 Как звать доподлинно я буду
 Свою последнюю версту!

Судьбу, как змея, заклинаю,
 С ней —
 С долей скрытноты —
 Лавк связи,
 А жюкы,
 Как будто неродная,
 Проходит мимко, торопяся.

Я — заклинатель змеи!
 Фанор я
 Разамских пагарских кровей,
 Нипитанных ичменной ширью
 Зорь августовских
 И полей.

Пройду ея —
 И боги смертныи!..
 Волыкся в жюной солнцеворот,
 Чтоб жюкы были
 И цвещ несметно,
 И продолжат бессмертный род

И не превратят
 Нить сквозная
 От солнца
 К недрау
 И жюкы... полюбася,
 Но заклинанию,
 Заклинанию
 Я доло скрытноту свою.

*
 Дожди гадальи оголтело,
 Весне расправлю гроза,
 Как будто выловать котели
 Ее зеленые глаза.

Но расправлял клемы крылья,
 Вставали сосны, полюбася,
 И опроную не дали прикрыли,
 Вспотпсе ея вем в гразь.

Еще куралася, как хмельные,
 Топталася у дерев дожди,
 Но, свесит с туч лучи босме,
 Встаало солнце впереди...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Мне радостно было читать эти стихи. В них сочетаются неподдельная свежесть взгляда и твердость почерка, что несомненно свидетельствует о литературном дарии.

В таких случаях нередко провозглашают: пришел новый поэт. Но на самом деле бесконечное множество и твердость диктуют только кон анализ, который нужно неместно отработать.

Желая поэзия немелыма, в частности, без зрабай обшественной позиции, обретаемой лишь на путях реального участия в жизни и борьбе народа.

Проведая же сегодняшнему забвению безусловной преданности нашему непоростому делу.

Владимир СОКОЛОВ

Игорь ТАРАСЕВИЧ

Этот голос дней минуших...
 И. В. У. И. И.

Все тихо в доме. Говорю же,
 когда до ночи полаяса.
 И вот они все ближе, ближе
 и все понятнее, голоса.

Уже почти шестое чувство
 сейчас рождается из духа.
 Ужо она явилась, чуткость,
 а было — зренье и слух.

Была действительно невнятная
 речь, но открытая справа.
 Огнеть сплюкноты и поинтны
 ея нелегкие слова.

И из клубка воспоминаний
 пмывает, распукаясь, нить.
 Оно придет еще, ознанье,
 что ничего не изменить.

Огнеть сочающаяся ветка
 во тьме поглядит по щече,
 оставая в памяти заметку,
 как синий якорь на руке.

*
 Когда срывающиеся фразы
 к бумаге вырвутся, спеша,
 как беззаветно будет рада
 моя слуханная душа!

Ничьим советам не внимаю,
 не доверяя никому,
 сам в это время понимаю,
 зачем живу и что к чему.

Я знаю в это одиночьсь,
 что делать надобно сперва,
 и все поверяюу несчастью
 умения складывать слова.

*
 Опять от счастья невмоч-
 нья от беды каюк подслудной...
 Мне снится ночь, мне снится ночь,
 фонарь над станцией безлюдной.

Но лишь прозодит поезд там,
 о стрелки теплые толкасы,
 тотчас в своей квартире сам
 я моментально проспасаюсь.

Чуть видный красный огонек
 дрожа, плывет на перегонях,
 и свет луны и фары лег
 к деревьям, рельсам и вагонам.

Они блестящи от дождя.
 Листы железные намокли.
 Мои глаза глядят, глядят
 на занавешенные стекла...

*
 Станционный домик в два окна,
 садик с закупанным благопеленьем,
 башня водоканки и над степью
 тоненькая стрела полотна.

Отблеск речки где-то далеко,
 слесы, засухнутое небо,
 с туманом, промиоаживающим хлебом
 чистое парное молоко.

Горсти деревьев на холмах,
 черное, расплащенное поле.
 Вечером — уютно и сплюкнои.
 Огньюи в бревенчатых домах.

Что бы с нами ни произошло
 и куда б судьба ни заносила,
 горожан на доло окриетско
 тихое российское село.

И за каждый год удачий своей
 не знающий исповедань,
 буду бесконечно благодарен
 маленькой травинке полей.

Фото Виктора САЙКА

РИСЫ НЕЙЛОВОЙ

и мерилон мастерства Нейловой — позволить себе такое в кино, на крупном плане может актриса, но только абсолютно искренняя, но и абсолютно профессиональная, умница не только пережить, но и выразить...

И все-таки даже после «Молодого» и бы не стал писать о ней. Все-таки фильм делается из кадров, из эпизодов, но одному набираются самые удачные дубли, моменты вдохновения. А в театре моментами не обойдешься, здесь надо сыграть сегодня вечером, от начала до конца — пережить и выразить. Именно в театре и становится ясно, на что она способна.

— Боясь выходить на сцену. Так много людей в зале... и знакомых, и тех, чье мнение важно для тебя, и всех остальных. Волнуюсь очень перед выходом.

— А на сцене?

— На сцене — нет.

— А что все-таки интереснее вам, что больше дает — театр или кино?

— И то и другое. И еще телевидение. Только если хорошо роли...

Она очень жадный до работы человек. Правда, какой актер не стремится играть как можно больше? Пожалуй, нет таких актеров. Но одних это стремление вылетит от роли и роли, из театра в кино, из эстра-

ды — актер играет, играет, живет вроде бы полной и насыщенной творческой жизнью, его знают, он популярен... только вот как-то не потрапает он, не жжет глаголом сердца людей.

Нейлова пока сыграла не так уж много — две роли в театре, шесть в кино. И написал о лучших — о тех, в которых удивительно сочетаются исключительность и тишина. Ее современные Джульетты, восемнадцатилетние девиочки, как две капли воды похожи на тех, кого мы видим в жизни. Но она заставляет нас всмотреться в них повнимательнее, и мы видим, как они, внешне интеллигентные модой и манерами, различны — и как неуравновешены и как прекрасны и высоки в любви. Сначала узнавание («Ну да, те самые...»), потом открытие («Так вот они, оказывается, какие»). За внешностью — духовная сущность поколения. И самой актрисы.

— Марина, вы можете сказать, что такое хорошая роль?

— Не могу. Это зависит не от головы, а от чувства.

Я не пытаюсь «выжимать» из нее какую-нибудь точную формулировку — то, что она могла бы сказать, все равно получилось бы бедным по сравнению с тем, что она играет. Наверное, хорошая роль для нее то же, что для ее героинь любовь.

тот зеленый уток вологодской земли стал последним преемником Александра Яшина. На самом уторе, на берегу Ю-реки, в окружении северного леса стоит алядо рубленный дом, по-блесквив стеклами окон, а в нескольких шагах от дома — сад, где покосится прах поэта.

«Скоротите меня на Боршнром Угор.— писал он за год до смерти, не думая, конечно, что так скоро это случится.

В гроб обложено это — самое чистое место на земле, самое дивное и сухое. И там, обложено — и вешня облуаетеся.

Гроби черна. Это — не после похорои Яшина мне впервые удалось пройти пешком от Баудано и подняться на Боршнрий Угор, проделав путь, который тория Александр Яковлевич. Дом и могила содержится в образцовом порядке — вологаже чуту память своего поэта. У изгнания и пути нечужды и волотятся на солнце череза. Птишину и пчолы зарывают только птнчий моток. Повернется на ветерок,— верно, «пахнет агодим бором». И уже самому верится, что вот-вот «душе станет ведомо говор трав и лягушек...».

На Боршнром Угоре
Воздух снем, будю в море,
Водичку снем, будю в море,
И ни с чем я не в сорсе.

И как, побывавши здесь, не поверить поэту: «В полуаэсе шаганя от деревни Баудано жить мое, как сказание, начивается слово». Здесь он скрывался «от сумятицы будней», здесь находил отдохновение для души, здесь мечтал «обрести личную свободу, недоступную Алене» (потом, боковой украинской, говорил: «Пусть бы скрочил руки и ноги, только бы сердце стучало, да глаз видел, да хватало бы сил водить пером по бумаге...»), здесь написал стихи, которые стали украшением его книг.

«Боршнром Угором,— писал Яшин — в сейчас наляваю не только облобованное с детства место в лесу над рекой, где теперь стоит мое окотичный дом, но уже и деревню Баудано, в которой я родился, и район, и город, Никольск, где началась моя сознательная жизнь, и вообще Родину. Вся Родина моя — Боршнрий Угор. Поэзия — тоже он. Завершение моей жизни на Боршнром Угоре».

Конкретное понятие, точка на географической карте стала обобщенным образом, знаком.

«Гордоскоп» под Михана Светлоа придумала сказку про «котичный домик», чтобы собрать в нем компаниям алясов жителям, звездой, поверившей в «гуманность скоты». Яшину не надо было придумывать сказку, его «котичный домик на Угоре привчал балзских аляев, в нем, кроме вологажа, бывала и подогол тапшав Федор Александрович Абрамов. Уме посвящено одно из лучших стихотворений книги «Боском по землям» — «Запасается светом». Стихотворение с широким взглядом на север, уже не с Боршнрий Угором — с более высокой точки обозрения. В нем заявка предстала край, где «как пригород наш, за Архангельском — полюс». Вот какой масштаб!

Идея компенсации, как бы предусотворенной природой для северного человека, заложена в том романе, где Яшин описывает «вечный мерзлот» и долгие темные ночи зимы, «но зато мы уж летом на всю зимнюю ночь запасаемся светом». Если раскрыть аллегорический смысл стихотворения, то и станет ясно, какую же роль играл Боршнрий Угор в жизни Александра Яшина. Роль световозвращения, роль регулятора творческой энергии.

С Боршнрым Угором связан и Яшина «Бюновое чувство Родины, преодоление нравственного и, стало бы, творческого кризиса на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов. Оно, это чувство, никогда не покидало поэта, ни в период всеобщего «строительного энтузиазма тридцатых годов, ни тем более в годы великого кризиса с шестидесяти, но в момент тяжелых душевных переживаний оно оказалось чудотворным лекарством».

Спасибо тебе, Баудано,
Деревни в лесной густине:
Я начал писать здесь слово,
А это — уже для души.

У Яшина есть стихи о Родине, написанные с эпическим размахом, соответствующим его высоким слогам, но родная северная деревня Баудано, Боршнрий Угор воле не, которую он посвятил книге «Боском по земле», не нуждаются в высоких словах, они для этого слишком близки, доступны, ощущаются и рождаются в том же простом, непосредственном ощущении Родины, ощущении того материального мира, которого начинается Родина, превращаясь потом уже в понятие нравственное, как будто пост только что открыл их для себя. Но открыл уже однажды открыто.

Здесь лета моя не в враню,
Я и детства
Самая близкая моя не в враню,
Тут найдую душу знаю
И чувство
В этом суть.

И пусть иногда сурова
Но мне родная ноба,—
И Фудоты,
И Баудано,
И это мой суд-ба.

Как говорится, тут ни убавить, ни прибавить, все сказано, приписка к родине сделана навечно.

В середине пятидесятых, на сломе души, Яшин декларативно, как бы со стороны восторга Север в Толькае своем, так же дал и такие строки, дрейфующие лядны в Белом море, итра сплоском на воде лютном». В том же духе говорилось и о алядах («И, уже конечно, нет ничего алядей такой души, и прнмоты, и снм»). В правду, яшвд бы довольно рационалистическим, что, мол, какое первеное, непосредственное ощущение Родины, превращающееся было бы сказкой о той, другой, родине.

Нравственное возвышение лирики Яшина началось с него, внутреннего ощущения Родины. И происходит оно от встречи с Родной немолодо уже, зрелого человека, много пережившего и испытывающего, с и своим личным опытом, с своими представлениями о мире перваивающего, порою отчуждающего дома.

В «Военном летчике Сент-Экзюпери» рассказана жизнь бессмысленного и безнадзорного полета экипажа разведывательного самолета, который был заранее обречен на гибель. Герой произведения обещает себе, если останется жив, ночью прогулку по родной деревне, чтобы понять самого себя. Он сдержал слово. «Мне кажется, я многое пишу за эту мою необыкновенную ночь в

Из книги об Александре Яшине

деревне,— размыслил он.— Вокруг меня кажутся необычайная тишина. Малейший шум, самое зловое колоколь, выкалывает пространство. Все стало для меня таким близким. И это жалобное бормотание слышишь, и тот далекий зов, и скрип противоречной кем-то двери. Слово все происходит но мне самом. Я должен немедленно постичь смысла этого чувства, пока оно не исчезло...»

Для того, чтобы осознать себя, надо было пережить смертельную опасность, надо было еще оказаться в условиях максимальной близости к природе, к естеству, надо было оказаться в своей области. И это для военного летчика, увлеченного техникой, ощущающего ее продолжением природы! А уж для Яшина, который всеми корнями был связан с деревней («Там, средь лесных берез, я возмужал и вырос, первый шаг совершил в жизни народа и государства, была воодушевляющей во всех откровениях. Главным же — в нравственном самоопределении — было осознание того факта, что родина—это не абстракция, не общее понятие для высоких и красивых рек, прнзмов, не абстракция, не общее понятие для плодородных косотор, трактор в поле, иссения страд, а отсюда, от этих живых и зримых, знакомых с детства материальных примет родного гнезда, начинается бoльшая Родина, и тоже не как абстрактное понятие, а как великая держава, населенная миллионами аляудителенков, как обжитая и теплая матер-земля и как держава для вшпашки под урожай будущего».

Новые ощущения связываются с весенним обновлением природы. Оно как обновление души. Традиционный для лирической поэзии ассоциативный ход. У Яшина эмоциональное всего это состояние выразилось в стихотворении «Хочу весну!», вероятно, самом оптимистическом, самым мажорным стихотворении поэта из написанных за последние полтора десятилетия его жизни. «Хочу весне, пришла мой срок»,—такое признание поэта, и он открыто, молодо устремляется навстречу новой жизни: «Восхищению руки твоя туда, где прельще, туда, где свет, в весне моей, к августу, Хочу весну!»

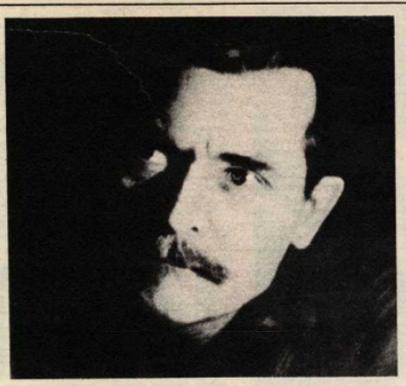
Под этими строками стоит дата 1956—1959. А ведь тогда же был написан «Переходный возраст» — стихотворение, полное внутреннюю смятения, сомнений, неуверенности в себе. У Яшина не раз бывали такие резкие перепады в настроениях, вызванные то ли перипетиями нравственной жизни, то ли физическими страданиями. И «Переходный возраст», написанный почти в одно время со стихотворением «Хочу весну!», — крайняя степень подавленности и смятения в лирике тех лет.

Совершенно очевидно, что это — кризисное состояние. Верхняя Мертвая Точка, как позднее определит его Яшин, «ымг» выннвышей слабости, за которой следует новая дльная энергия, прилив новых сил («ВМТ»). «И спять не могу, и есть не могу: в долгу перед всеми, что и могу!»— вот этот миг выннвышей слабости в процессе нравственного самоопределения. А в конце стихотворения совершенно неожиданно переосмыслены строки знаменитой сказки о колоде: «От горя ушла, от злости ушла, от смерти ушла...» — от себя не могу.

Спрос к себе также буквально на границе самоопределения. Будеже танис состояний уже не встретится, даже в преддверии кончины. Будеже танис состояний, будут боль и радость, шок и смятение, но выдержка ни разу не изменит полету. Жизнь уচিত его пониманию той самой «сознательной необходимости», которой он довольно категорично поряжся. Принимая, на которую он так часто страдал. И «Переходный возраст», написанный почти в одно время со стихотворением «Хочу весну!», — крайняя степень подавленности и смятения в лирике тех лет.

И ни в безверии, ни и сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стала мое поколение,
Повзрослело мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

Именно меж этих строк возникает знакомая уже нам декларация: «Сам за все ответствен хочю». А поиски эстетического претворения «торжественного обещания быть правдивым «во всем до конца» приводит Яшина к выводу, что и язык, родной его русский язык, «подобно правде самой», что он выдержит широту и мощь народа, его лесенную душу и отзывчивость к чужой боли и радости, в нем плоть земная и трудовая опыт человека... Такой язык создан для того, чтобы говорить правду.

Но вернемся к Борншному Угору, это он стал символом обновленного чувства родной земли...

Поэт еще и еще раз был сближен с природой, чтобы отряхнуть с себя насилие прошедших годов и житейских невзгод и вновь, как в детстве, почувствовать росную прохладу утра и свежест родниковой воды, мозоли на руках и усталость в теле от крестьянской работы. Ему необходима эта смена впечатлений, чтобы отделиться от привычных мерок в суждениях о жизни.

Но этим ли только жизнь красна? Да и можно ли забыть, что предающая книга Яшина вышла под названием «Совесть», что поэт призывает читателей: «Считайте деять доброе дело!», что он жаждет личной ответственности за все происходящее в мире? И только ли слияние с природой может поэт найти? Действительно он и хочет отделиться от повседневности?

Нельзя сразу и однозначно ответить на эти вопросы. Любому художнику бывает когда-то необходимо уединение. Наступает момент творческого обобщения накопленного опыта, претворения его в краски, звуки, слова, образы. И тогда житейская суета мешает художнику, отвлекает его, не дает духовно мобилизоваться, сосредоточиться. Вот в чем великая польза уединения. А есть и другая сторона, уже моральная, у настоящего жеяния уединиться в лесу: Яшин верит в центральную силу природы.

В основном бору,
В березовой роше,
Еще там многократно желанье жить,
Мне, скляному, только доброй, и прощя,
И чепуховой хитрости быт.

Вот это уже прямое продолжение и развитие главной темы предыдущей книги, темы нравственности, характерной для поэзии шестидесятых годов. Но роль лесного отшельника как **жизненная позиция** не по Яшину. Сам он, избегая высоких слов, говорит об этом — солдаты коротко и сухо: «Не положено». И конечно же, здесь, в лесном уединении, все равно невозможно отделиться от людских забот, ибо даже в доме под старой крышей сегодня отшельник не почувствовать, что «век не тот, не тот народ!».

Яшин осторожен на обещания и скуен на слова. Он хорошо знает трудности социализации преобразования деревни. Но в нем глубоко коренится вера в будущее, жаждущая на общности его судьбы и судьбы русской северной деревни.

...Круговращение природы вновь и вновь приводит поэта к житейским делам, к насущным заботам, которым жив человек и каждый день и на многие годы вперед. А Яшин жил все эти годы бесполовно, нервно и только временно бежал в котловину избу, ища уединения и покоя, чтобы привести в порядок нервы, успокоить мысли, дать остыть чувствам. Состояние же непокой, желание перемен, желание чего-то нового, что всколыхнуло бы чувства, обожгло сердце, высоко искру творчества, тоже складывается в его стихах остро, порою даже болезненно («Лирическое бесполовство», «ВМТ»). Яшин размышляет: стремление каждого человека к своей ВМТ, к вершине жизни, достижение ее, может быть, и есть настоящее счастье! Нет, все в жизни оказывается сложнее.

Я — человек,
И, чтобы жить,
Я хочу одеть свою слабость,
Всю в ВМТ,
Уйти от равновесия,
Иначе не в нем мое счастье.

Читатель, наверное, обратит внимание на то, что Яшин, который, кажется, так прочно укоренился в народно-поэтической традиции, заговаривает верлибром. Что это — эксперимент? Возможно. Но никак не ради самого эксперимента. Такого с Яшиным не может случиться. Значит, что-то из ряда вон выходящее побудило поэта обратиться к необычной для него форме свободного стиха, к необычной форме поэтического самовыражения...

У Яшина несколько стихотворений, написанных свободным стихом. Вот еще одно из них — «К тебе обращаюсь, душа моя!». Как и «ВМТ», оно написано об очень личном и значительном. Яшин размышляет о поэзии, пытается по-стать, что же она такое в нашей жизни и что такое по отношению к человеку — поэзия? И приходит к выводу, что поэзия — посылка, она в первую очередь в людях, она существует «как биотки вселенной». «А поэт — прежде приемщик». Но если он истинный поэт и человек, думающий и страдающий, он пропустит волны поэзии через свою судьбу, через свою душу».

Последние строки звучат как заклинание: «Весь мир — поэзия. И я обра-

цаюсь к тебе, душа моя: будь хорошим приемником, чутким, многофункциональным, вселюбовным, как двадцатый век... пригласиwa одна волна, переходи на другую, чтобы ощутить поэзию как биотки людских сердец».

Можно критически отнестись к яшинскому верлибру. Мне, например, он не кажется органичным для него. Но нельзя не заметить, что поэт правильно почувствовал и о о х о д и м о с т ь и н о о, неприхватной для себя формы (он избрал свободный стих) в том случае, в котором ему потребовалась большая внутренняя свобода и раскованность высказывания. Подлинность чувства очевидна, даже несмотря на некоторый рационализм образной структуры. Но это уже не за счет верлибра. Рационалистическое начало кое-где обнаруживает себя в ритмизованном стихе. Обнаруживает оно себя и в некоторых экспериментах. Например, в стихотворении «Все можем» с его газетно-ригидной структурой и совершенно расудной концовкой, в некоторых других стихотворениях...

Аналитическая волна, захватившая в шестидесятые годы поэзию, не всегда шла по густой, ослепительной и намолае мести. Не у всех поэтов достало опыта проникновения в интелектуальную сферу современной действительности. И традиционные лирические медитации порою подменялись голыми абстракциями, логическими построениями, образно-эмоциональная система понятий подменялась расудительством. Не избежала этих слабостей и Яшин.

Но «как говорить о поэзии» — это не проблема этого периода, но нельзя не заметить, что в стихах поэта живет страсть и мысль человека совестивого, бесполовного, даже, как говорят на Яшину Севере, рискового. Позднее же он органично войдет в лирико-философскую струю поэтического развития. А в пору нравственной борьбы — в контраст с тихой задумчивостью у Яшина вдруг прорывается жажда опасности, риска, небывалых ощущений. Что переживает это как будто бы достаточно расудительный человек, стоя на горной вершине?

До крика охота,
До муку
Шагнуть с откровенной стеной,
Чтобы, раскинув руки,
Повернуть
Сбивавшую до сна.

Свет добра и человечности изучает поэзия Александра Яшина, этим она и дорога сердцу читателя, этим и привлекает поэта. Именно потому хорошо пишавается в рифме поэзия шестидесятых годов. А поэзия шестидесятых, с одной стороны, обновившаяся на земле, избирая ощущения естества и плотиwты мира, и Яшину здесь отводится видное место. С другой, — уже чувствуя материальную основу бытия, устремляется в горнило высшей человеческого духа. Рельеф этого обозначен не всегда четко, но он вполне различим.

Любовь яшинского героя — любовь зрелого и сильного человека, смело идущего навстречу ей. Но это и любовь необыкновенно трудная, осложненная тисками эмоциональных контрастов, что и представляет их невозможность. То он мечтает даже о безответной любви, ибо любовь всегда является своеобразным ферментом жизнедеятельности: «только бы прозвел не знать души» — «скрытно жить, в немалости, но в любви миг из-под ног вырасти на ее всреке...» — то верит в пришествие любви и живет этой верой, то несет в себе горькое чувство разлуки — «Трудно жить, молча живу, молчу до ожесточения...», а то и вовсе впадает в отчаяние перед неожиданностями любви. Ведь и у любящих сердца не всегда бьются в унисон, ведь и у них возникает чувство отчуждения, рождаются парадоксальные предположения:

Нет в любви ее ревности
Ни добра, ни прощя,
Яшину меня ревнивым
Мовет, ненависть это?

Но самые сильные, самые пронзительные стихи любовного цикла вызваны потерей любимой, горькой, трагической, невозвратной потерей. «Ночная уха», «Не надо кататься», «Дуломась да казальсь...» — сколько в них тоски, отчаяния, любви! Сколько безутешного горя и раскаяния, раскаяния в том, что раньше, когда бытало, чего-то не доложил, в то же время убеждения, что «не надо кататься», ибо «ведь еса бы согласье во всем, всегда» — не знать бы нам счастья, опять беда. И, наконец, нота отчаяния:

С горем не в силас справиться,
В голое верев,
Зачем?

Нет, ничего не поправится:
Из-под вешки не ревнивым,
Разве что наиву.

Так и яшину,
Яшину?

В стихе о любви Александр Яшин предстал человеком, сильно и тонко чувствующим, нервно отрывающимся в все перипетии этого неподдающего расудку чувства, открытым навстречу ему и до конца честным в самых критических его ситуациях. А не этим ли и жизнь красна — большой и честной любовью, систематическим отношением к людям? Яшину, горючим стремлением сниться с народом а его немалом пути к счастью и процветанию.

«Дняжам Яшину задальсь вопросом: «Счастлив ли я?». Размышляя наперед со своей совестью и в соответствии с тем, что плачет над «кигой правдивой» и «над гором людским» и переживает, когда не может кому-либо помочь. Значит, заключает он, «сердце мое не зачервлено, душа и меня живая, я — человек». Но еще есть другая сторона у этой медали, на которой отчеканен смугл человек... его признание, профессия, его главный долг — жить и трудиться, и в то же время убеждения, что «не надо кататься», работа над кингой, тоже плачет, доходит порою до изступления, значит, совесть его не спит, значит, есть в нем искра добра, значит, не зря народ кормит его своим хлебом!

Но плачет ли кто-нибудь
За мои, Яшину,
Счастлив ли я?»

Этими строчками кончается размышление. Нет, не кончается, — obraется полуфразой, вопросом. Вечным, постоянно возмущающим и заставляющим мучиться вопросом. Только самодовольная посредственность никогда не сомневается в своей значительности. Истинный художник редко находит удовлетворение созданным им искусством.

Александр Яшину было чуждо самодовольство. Наоборот, последние годы своей жизни, словно бы уже предчувствуя скорую кончину, он все требовательнее, все пристрастнее допрашивал себя о прожитой жизни, требовал сомнений, так он и писал свою «кигу жизни».

2. Автомобиль

Мануэль мог бы абсолютно точно сказать им, что это была за машина: «етендерберд» последнего выпуска с автоматическим переключением передач, мотор «V8» в 300 лошадиных сил, максимальная скорость — 180 миль, бензобаки — 100 литров. Мануэль имел дело с автомобилями с четырехколесными колесами — а сейчас ему было уже около сорока — и интересовался всем, что мчится на четырех колесах, не меньше, чем теми, кто ходит на двух ногах и высоких каблуках. Читал он только «Автомобильный аргус» и рекламный женский косметик, которые лежали обычно на столике в аптеке.

Мануэль не любил навязывать кому-либо свое мнение, тем более клиентам. Он уже на опыте знал, что владелец французской машины спрашивает вас об американской лишь для того, чтобы узнать, сколько она стоит. А техническая сторона французца не интересует, он обычно уже заранее убежден, что с этой точки зрения она не стоит ничего. Это, естественно, не относится к зюгакам, но те и не задают вопросов. Вот почему Мануэль, когда его спросил о «етендерберде» с сиденьями золотисто-песочного цвета, коротко ответил:

— Она должна стоить не меньше пятидесяти тысяч монет. Судите сами.

Мануэль наполнил бак бензином и теперь протирал ветровое стекло. Рядом с ним стоял деревенский виноградарь Шарль Болю и агент по продаже недвижимого имущества из Солле, догадливый и худой обладатель малолетражки, который заехал на ступеньку три раза и недалеко, но имени его Мануэль не знал. В эту минуту они услышали крик. Мануэль, как и его собеседники, несколько секунд продолжал стоять, застыв на месте, хотя он, пожалуй, не мог бы сказать, что этот крик был для него неожиданным. Во всяком случае, менее неожиданный, чем если бы это произошло с другой женщиной.

Себастьян ЖАПРИЗО

РОМАН

Перевела с французского Кира СЕВЕРОВА

Рисунок Валерия КАПАСЕВА

GA LVA BARBON MUSIC

Едва он увидел эту молодую даму, как подумал почему-то, что она не совсем в своем уме. Может, дело было в ее темных очках, ее немощности (она произнесла всего одну-две фразы, самые необходимые) или в ее манере во время ходьбы — то ли от усталости, то ли от шатти — склонять голову набок. У нее была очень красивая, очень своеобразная походка, словно ее длинные ноги начинались у талии. Глядя на нее, Мануэль несколько подумал о ровном животном, хотя затруднился бы сказать, на кого она больше походила — на хищную рысь или беззащитную лань. Но, как бы там ни было, животное это вырвалось из ивочного мрака, потому что под светлыми волосами дамы угадывались темные, мрачные мысли.

И вот в сопровождении троих мужчин она идет к контроле Мануэля. Когда они выходили из туалета, мужчины хотели взять ее под руки, но она отстранялась. Теперь она уже не плакала больше. Она прижимала к груди раздувшиеся руки с широкой синевой под кожей на ладони. Даже несмотря на испачканный белой костью и немного расстравившие волосы, для Мануэля она была ослепительным изнеженным животным, привлекательного какого-нибудь господину с злого набитым кошачком.

Мануэль почувствовал себя слегка уязвленным, понимая, что ему не удалось бы обольстить такую женщину, да и вообще так же не для него. Но еще больше его огорчало другое. На пороге дома рядом со своей матерью стояла и смотрела на них девочка. Ей было семь лет, и хотя Мануэль не на минуту не забывал, что она не его дочь, он больше всего на свете дорожил этой девочкой. И она платила ему тем же. Она даже воссоздала им, потомки что когда у отцов ее школьные подруги что-нибудь не ладалось с мотором, они смиренно обращались к нему, а в его руках машина снова становилась машиной. Мануэлю было очень неприятно, что девочка видит, что он попал в затруднительное положение.

В контроле он усадил даму из «етендерберда» у лифтового окна. Вел молодой Мануэль не осмелился отослать девочку, боясь, что она на него обидится. Он пошел в кухню, достал из стенового шкафа бутылку коньяку и из раковины — чистую рюмку. Мизяга, его жена, вошла вслед за ним.

— Что случилось?

— Ни чего. Я сам не знаю. Прежде чем вернуться в контроле, он хлебнул коньяку прямо из горлашка. Мизяга не успела сказать ему, что он слишком много пьет.

то что он по-баскиски ответил, что благодаря этому он скорее умрет и она сможет еще раз выйти замуж.

Мануэла была полнокровной кошкой и поставила себя в очередь. Она сидела в кресле, широко смеясь, и смотрела на рыбку. Дама из машины шла отрядительно помотала головой. Мануэла неприятно было начинать разговор, прежде всего из-за девочки и еще потому, что он знал: его баскский акцент и еще баскские слова, что толкает в последнюю очередь, не будет просто смешно. И тогда он решил перейти в наступление и, раздраженно взмахнув рукой, сказал:

— Вы уверены, что на вас напали. Но ведь здесь никого не было больше. Вот кто был, тот и остался. Лично я, мадам, не знаю, почему вы говорите, будто на вас напали, просто не знаю.

Она смотрела на него через свои темные очки. Мануэла был так близок к тому, чтобы произнести неважное и неуместное замечание об отсутствии недвижимого имущества, продолжая молчать. Наверное, они думали, что она эпилептичка или что-нибудь в этом роде, и им было не по себе.

Но Мануэла знала, что это не так. Сидящая кошкой, как раз в тот год, когда он приехал во Францию, на станции обслуживания под Тулузой у него украл сумку с инструментами. И сейчас у него было столько вещей, что он не смог бы объяснить, почему, что он опит в какую-то историю.

— Кто-то туда вошел», — утверждала дама. — Вы должны были его увидеть, ведь вы стояли неподалеку.

Но Мануэла она так же нетерпеливо, как и ходила. Но сейчас у нее было спокойный, и в нем не чувствовалось никакого волнения.

— Если бы кто-нибудь вошел, мы, конечно, увидели бы его. Мы бы пошли туда, чтобы посмотреть, и даю, мадам, что никто, никто туда не входил. Она повернулась к Болю и агенту. Болю ждала печаль.

— Вы же не станете утверждать, что это был кто-то из нас? — спросил Мануэла.

— Не знаю. Я вас в первый раз вижу.

Все трое от неожиданности онемели и в глупый вид уставались на нее. Предупреждение Мануэлы, что она не хотела ничего сказать, не имело никакого значения, как той ночью в Тулузе, где Болю усиленно. Правда, его успокаивало то, что он не покидал своих кабинетов все время, пока она была в тулузе (сколко, что это было, он не знал, но он не был ни на что наступившим, а для зловещего тишины он понимал, что и они исторически. Тихину нарушала агент.

— Может, вашей жене следовало бы унести девочку, — сказал он к Мануэле.

Мануэла сказала по-баскиски своей жене, что Риги не должна оставаться здесь, да и сама она, если не хочет получить такую визучку, о которой будет плохо помнить, пусть лучше поедет по дороге. Мануэла была счастлива, увидев девочку, которая, повернувшись, перебралась взглядом дамы на Мануэлу, пытаясь понять, кого в чем обвиняют.

— Никто из нас троех туда не входил», — проговорила Болю, обращаясь к даме, — не утверждайте того, чего не было.

У большого, тучного Болю и голос был под стать ему. Мануэла нашла, что Болю сказал именно то, что надо. Нечего возводить на них напраслину.

— У вас украин донька? — спросила Болю.

Дама снова помотала головой и сделала это не задумываясь, без колебаний. Мануэла все меньше и меньше понимала, к чему она клонит.

— А разве я сказала — напали? — сказала Болю.

— Но вы намекали именно на это», — возразила Болю и сделала шаг в сторону дамы.

И вдруг Мануэла увидела, как она изо всех сил влезла в спину стула, и поняла, что она ботсит. Из-под ее очков выкатились две слезинки и медленно поплыли по щекам, оставляя на них полосы. На вид ей было не больше двадцати пяти лет. Мануэла испытывала какое-то смешивание чувств, но не могла ничего сказать.

Ему тоже хотелось подойти к ней, но он не решился.

— И вообще снимите ваши очки», — продолжила Болю. — Я не люблю разговаривать с людьми, когда на мне вижу их взгляд.

И Мануэла и агент, наверное, тоже, да, покажуй, и сам Болю, который нарочито преувеличивал свой тон, чтобы казаться грозным, могли пожелать, что она не снимет очков. Но она сняла их. Она сделала это сразу же, словно испытывая потребность сразу же повиснуть на Мануэле. Мануэла это провозгласило такое же впечатление, как если бы она перед ним разлезлась. У нее были большие темные глаза, совершенно беспомощные. Видно было, что она с трудом сдерживает слезы. И, честное слово, черт побери, без очков она выглядела еще более привлекательной и безоружной.

Видимо, и на остальных она произвела такое же впечатление, так как снова возродилась тягостное молчание. Потом, не говоря ни слова, она подняла свою руку, выхватила руку и пошла к ней, как мужичком. И тут Мануэла, отстраняя Болю, шагнула к ней.

— Это? — спросил она. — Ну нет! Мы не посмеем сказать, что это вам сделала здесь. Сегодня утром так.

И в то же время он подумал: «Какая-то чушь!» Только что он был уверен, что разгадал полочку этой комедии — просто его хотит обучить, — и в тот же момент он почувствовал, что он человек, который опрокинул все. Если она, предположим, действительно хотела заставить поверить, что ее ранная здесь, у Мануэлы, и вытнуть у него некороткую сумку, побуждая не сообщать полиции, как же черта она этим примчалась сюда с полочеченой удеи рукой?

— Это неправда.

Нестово трясла головой, она поворачивалась встать. Болю пришлось помочь. Мануэла удержала шевелье вырез ее костюма было видно, что на ней нет комбинации, а только кружевной белой лифчик и что кожа у нее на груди такая же золотистая, как и на лице. Кожа, она отдалась от махали встать, и Мануэла с полочкой отошла в сторону. Но девая очка, она снова твердела, что это неправда.

— Что? Это неправда?

— Сегодня утром у меня ничего не было с рукой. А сейчас вы да же и было, то вы не могли этого увидеть, я входила в Париже.

Ее голос снова звучала звонко, и в манере держаться опит повисало что-то вымощное. Но Мануэла была готова прийти к ней, чтобы сказать: «Молодая женщина ее сдерживала всемо, но в то же время старалась выглядеть великодушеством дамой.

— Мануэла вы не были в Париже», — спокоебно возразила Мануэла. — Вам не удастся заставить нас поверить в это. Я не знаю, чего вы добьетесь, но никого из присутствующих вы не убедите, что я лжеч.

Она поджала голову, но посмотрела не на него, а куда-то в окно. Они тоже посмотрели в окно и увидели, что Миэтта запрыгает какой-то грузничком. Мануэла сказала:

— Сегодня утром у меня чинил задние фонари вашего теппера. Там отыщут контакты.

— Неправда.

— Я никогда не говорю неправду.

Она приехала на рассвете, но шла на кухне кофее. Мануэла, когда услышала гудки ее автомобиля. Когда он выехал, у нее было такое же выражение лица, как и сейчас: спокойное, но в то же время настроенное, напряженное. Казалось, трюв ее, и она запылит. И в то же время всем своим видом она говорила, что она не собирается только трюнуть меня, я не дам себя в обиду». Мануэла сказала ей: «Извините. Сколько вам жалит?»

Она думала, что ей нужен бензин, но она коротко объяснила ему, что в парижском задние фонари и что она вернется за машиной через полчаса. Она взяла с сиденья более летнее пальто и ушла.

— Вы принимаете меня за кого-то другого? — возразила дама. — Я была в Париже.

— Не забудьте, что вы говорили Мануэле», — Ни за кого другого, кроме как за вас!

— Вы могли спутать машину.

— Если уж я чинил машину, я ее не спутаю с другой, даже если они похожи, как близнецы. Больше того, я могу вам сказать, что, когда я закончил работу, я отключил зажигание и сейчас там стоит винты Мануэлы, можете проверить.

Сказав это, он резко повернулся и направился к двери, но Болю удержала его за руку.

— Но ты ведь где-нибудь записал, что произвела этот ремонт?

— Знаешь, мне некогда заниматься всякой регистрацией отсюда. Мануэла. И добавив, желая быть честным до конца: «Сам понимаю, я буду записывать два каких-то винтика, чтобы Феррант заработал еще и на них!»

Феррант был сборщиком налогов, жил в этой же деревне, но в другой стороне. Он был человек апертиву. Буль он сейчас здесь, Мануэла сказала было то же самое и при нем.

— Но ей-то я дам бухгалтерку.

— Квипанто?

— Да вроде того. Листок из записной книжки, но со штемпелем, как полагается.

Она смотрела на Болю, то на Мануэлу, поддерживая правой рукой свою вздутую голову. Наверное, ей было больно. Не видя ее глаз, трудно было понять, что она думает и чувствует.

— Во всяком случае, еще один человек, который мне надо записать.

— Если она хочет доставить вам неприятности, —

сказала агент, — то ни ваша жена, ни ваша дочь не могут выступить свидетелями.

— Оставьте мою дочь в покое. На черта мне еще ее впутывать в эту историю. Я имею в виду Пако.

Пако были вальсерами одного из деревенских бистро. У них обоих забраковали рабочие с автострады на Оксер, и мать с невесткой вставала рано, чтобы обслужить их. Туда Мануэла и послала даму и вела ее к столу, когда она спросила, где можно пережить такое время. Он настолько был поражен, что женщина одна путешествовать ночью, да еще в темноте ехала в черных очках (тогда он не догадался, что она близорука и скрывает недостатки лица), что толкнул в последний момент обратить внимание на повозку на ее левой руке. Былою повозку в сумраке занимающегося солнца.

— Мануэла, — сказала дама. — Дайте мне уехать. Я хочу поехать в врачу.

— Минутку, — остановил ее Мануэла. — Простите меня, но вы были у Пако, они это подтвердят. Я сейчас позвоню им.

— Это бистро? — спросила дама.

— Совершенно верно.

— Они тоже спугали.

Наступила тишина. Дама сделала, не двигаясь, и смотрела на Мануэлу. Если бы она могла видеть, что она не видела их, и Мануэла вдруг окончательно поверила, что у нее не все дама, что она действительно не ходит ему за, а просто она немощная. Или он сейчас ей ласковым голосом, удаившим его самого:

— Сегодня утром у вас на руке была повозка, уверю вас.

— Не сейчас, когда я приехала сюда, у меня же ничего не было!

— Не было? — Мануэла вопросительно посмотрела на мужчину. Те покажался плачущим. — Мы не обязаны объяснять вам, почему вы не можете изменить, если я вам говорю, что сегодня утром была повозка перебитанной.

— Это было не я.

— Ну, так зачем же вы снова приехали? — спросила дама. Я приехала. Я не знаю.

По ее щекам опять потекли слезы без слезинки.

— Дайте мне уехать. Я хочу поехать к доктору.

— Я сам отведу вас к доктору, — сказал Мануэла.

— Не надо.

— Я должен знать, что вы там ему говорите. Надеюсь, вы не собираетесь причинить мне неприятности.

Она с раздражением покачала головой: «Да нет же!» и поджала. На этот раз они не стали ее удерживать.

— Когда вы говорили, будто я спугала, и Пако спугал, и все спугали, — сказала Мануэла. — Я никак не могу понять, чего вы добьетесь.

— Оставьте ее в покое, — вмешался Болю.

— Ага, они все вышли — перервали она и все — агент, котом Болю и Мануэла, они увидели, что у бензоколок собралось много машин. Миэтта, которая никогда не была машинистом ресторатора, буквально разрывалась между ними. Девочка играла с глазами и бегом шла к ним. Увидев же, что Мануэла садится вместе с дамой из Парижа в повозку «фрегат», она, размахивая руками, подошла к нему. Личико у нее было в слезе.

— Не бойтесь, — сказала ей Мануэла. — Я только в деревню и скоро вернусь.

Но девочка не ушла, а молча стояла у дверцы машины, пока он прогрел мотор. Она не спускала глаз с дамы, сидевшей рядом с Мануэлой. Разговорчивый и беззащитный Мануэла заметила, что агент и Болю уже рассказывают о происшествии сформировались автомобилем.

Солнце зашло за холмы, но Мануэла знала, что скоро она выедет вместе с другим человеком в деревню и будет как бы второй закат. Чтобы прервать тягостное молчание, он рассказал об этом даме. «Верно, толстое дерево и называется Авалон «два заката». Но судя по отсутствующему взгляду дамы, она не слушала.

Мануэла отвел ее к доктору Гара, кабинет которого находился на церковной площади. Доктор осмотрел руку дамы, заставил ее пошевелить пальцами, сказал, что, по его мнению, перелома нет, а пальцы и безымянный пальцы дамы, но он все-таки сделает рентгеновский снимок. Он спросил, как это произошло. Мануэла стоя в толпе, потому что кабинет врача подвела его так же, как и церковник, напротив, и в нем не было и не предложаю ему подойти поближе. После некоторого колебания дама коротко ответила, что это несчастный случай.

— Дней десять вы не сможете работать. Могут дать вам освобождение.

— Мне не нужно.

взглядом с рывком проносится мимо них в ночи мимо, влохнула, подала очи на шлем, тяжело облокотилась на дверь и сказала:

— Итак, решай, проветривать, мадемуазель Лонго?

Этот жандарм был человек долга. Звал его Туссен Бонари. У него была жена, трое детей. Он вечно строг и в то же время добр. Он вечно строг и добродушен. Он обладал метким четырехконтактным кистями при казарме с горячей водой и мусоропроводом и берегательной книжкой, провала необычайное трудолюбие, добывая из книг те знания, которые ему нужны были, и жила вдалеке от него, в отдаленное время, когда он станет деактивной, поступит офицеры или и поселится в каком-нибудь солнечном городке.

Он сама человеком, которому лучше не наступать на следы своих, но в целом самым малым, если вообще это определение применимо к жандарму. За пятнадцать лет службы ему так и не представилось случая провизит уметь стрелить без промаха, если не считать транзитивные машины для главных труб на арсеналах. Это его рывало. Он тоже ни разу — ни в штатском, ни в полицейской форме — не поднял ни на кого руку. Только старшему сыну несколько раз дал хорошую пощечину, когда тот делал, как ему вздумается, или зареветь, или протрашевать по «бывалым» и проваивает уроку математики! Не презрившей его времени к порядку, он совсем отбоялся от рук. Единственной заботой Нарды, заботой не менее важной, чем все остальное, была забота о своем автомобиле, была уха за мотоциклом. Машина этого требовала дисциплина, а в-первых, неисправный мотоцикл может равные времени отпривать тебя на тот свет.

Кстати, именно о мотоциклах он и беседовал со своим коллегой Раппаром на перекрестке шоссе № 6 в 77-й зоне, когда увидела проезжающий мимо белый с черным верхом «тендерберд». Нарда сразу же сказала: «Он так дождливо пахнет, и Нарда уже успела заметить номер — 3210-PM-75. А ведь последние два часа у Нарды было какое-то смутное предчувствие, что он обязательно увидит эту машину. Умоуму — он не смог бы объяснить. Он коротко спросил Раппару: «Поужаешь на восьмидесяти, попроси, как там дела, встретимся здесь».

Нарда не видела, кто сидит за рулем, но, обгоняя, он все-таки успел провалить взглядом белого пилота и поняла, что это она, что белое пятно — битый на левом боку автомобиль. Нарда решила сказать машину, но, несмотря на свою прекрасную память, никак не мог вспомнить фамилию этой дамы, а ведь он прочел ее, как и год рождения и остальные данные. Но она ни слова не сказала, она вдруг вспыхнула цветом Лонго.

Она, покажуя, не сказала бы, в чем, но сейчас женщина оказалась ему какой-то другой, не такой, как утром, а главное, она смотрела на него так, словно видела впервые в жизни. Но потом он понял, что элементный — утром на ней не было белого, как и ее костюм, пуловера с высоким воротником, на фоне которого ее лицо казалось более округлым и более загорелым. Но в остальном дама была такой же, как утром: эволюционная, непонятно почему, она с трудом ладит с белым, и у него опять мелькнула мысль, что перед ним человек с нечистой совестью.

Но в чью она могла провалиться? Он оставался на рассвете неподалеку от Солме, на шоссе в Аван, то есть у нее не было задние фонари. Да, было и смену его дала, но только ночью он опрафовала достаточное количество видюток, которые заезжала за желтую ленту и обгоняла на подъезде, коротко тормозя, плавая на высоте других автомобилей, чтобы быть слышим по горлу, и потому ей он лишь сказал: «У вас не горят задние фонари, повините их, до свидания, и чтобы видеть этого не было. Ну, хорошо, пусть она женщина, предположим, даже впечатлительная, но сейчас она так резко не выдала, а такую пангуку от того, что падающей с ног от усталости жандарм просто привнес в порядок задние фонари».

Только потом, когда, удивившись ее поведением, он спросил у нее документы, он заметил пощечину на ее левом глазу. Нарда сразу же привалила ему, получила их в восьмидесяти лет, в департаменте Нор, которая была воспитанницей приюта при монастыре, — он чувствовал, хотя она сказала молча и недовольно, как возрастает ее нервозность, и ему казалось, что еще чуть-чуть — и с ним случится какая-нибудь беда.

Да, это было необычайно, во всяком случае, лично он, несмотря на те проклятые учебные программы, которые он забыл, и потому пощечину не дал экзальтации, не смел бы этого забыть, но у него было отчетливое предчувствие написав

над ним опасности. В конце концов разве так уж неверно, что эта женщина, потеряв самообладание, откроет ящик для перчаток, достанет револьвер и присядит его, Нарда, к числу тех, кто не имеет права на оружие, следовательно, обязанность. И надо же было так случиться, что он один: Раппару он отсутствовал пораньше, чтобы тот успел выспаться к обеду, который состоится в конце крестин его племянника. Одним словом, в этой истории Нарда выглядела отнюдь не безучастно.

Да, так документы у нее в порядке. Он спросил даму, куда она едет. «В Париж», — прошептала она. «Секретарь, разумеется, не знает, куда выехала сейчас?» — «Из Шалона, там и немного отдохнула в гостинице». «В какой гостинице?» — «Ренессанс». Отвечала она как будто бы колебавшись, но ее слышимым голосом, в котором угадывалась дрожь. В суматохе Нарда успела заметить, что у нее не мог разглядеть, как следуют. Ему хотелось предложить ей снять очки, но такое предложение, тем более по отношению к женщине, превалило бы его глаза.

Машина принадлежит рекламному агентству, где она работает. Вот телефон шефа, он часто дает ей машину. Можете поговорить. Ее бил овал. Никаких сигналов об уходе «тендерберда» не поступило, и Нарда подумала, что если он без всякого позволения выехал из Шалона, то она тоже может быть неприятна. Он отсутствовал. А потом вожаком об этом. Надо было все же убедиться, что у нее нет оружия. Но почему вдруг она у нее пришла такая острая мысль, что она не есть? Вот именно это и не давало ему покоя.

Теперь же он совсем ничего не понимал. Это была она — такая же перепуганная, странная, но за день, что-то в ней изменилось: стерлась, если можно так сказать, та агрессивность, которую он в ней почувствовал на рассвете. Впрочем, нет, это не совсем точно. Не агрессивность, а отчаяние... Нет, опять не то, наверное, нет слова, чтобы определить ее утреннее состояние, когда она была на пороге Шалона, и теперь, когда она теперь осталась позади. Нарда мог покаяться, что если на рассвете в машине было оружие, то теперь его так нет.

Сейчас говоря, потом, выспавшись после дежурства, Нарда испытала какую-то неоложку, вспомнил о молодой даме в «тендербере». Он нарочно не взял с собой Раппару, когда сына увидел эту машину, — боялся оказаться в еще более глупом положении. Нарда был уверен, что так поступил.

— Похоже, мадемуазель Лонго, что вы с вами обречены на ночное дежурство. Вы не находите?

Нет, она ничего подобного не находила. Она даже не узнала его.

И являю, какие фонари у вас уже в порядке. (Она молчала.) Наверное, отключил контакты? (Она продолжала молчать.) Во всяком случае, сейчас они горят. (Молчание, как ему поназло, длилось долго, выжирая из-под бинокля в Париже.) Загорело ленто, выходящим скрытое боковыми темными очками и освещенное светом приборного щитка, маленькая рот, пузатые джорджие губы, словно она с трудом сдерживает рыдания, светлый лоск, выходящий из-под бинокля в Париже. Молчание. Что же она натворила? — Ах, послушайте, я же с вами разговариваю! Вам починил фонари в Париже?

— Нет.

— Как?

— Не знаю. Где-то под Аваланном. Сравниваю с утом у его голаз сейчас звучал громче, точнее. Выходит, она немного успокоилась.

— Но вы были в Париже?

— Да, кажется.

— Вы в этом не уверены.

— Уверена.

Нарда провала указательным пальцем по губам, стараясь на этот раз как следует разглядеть ее, хотя ему всегда было нелепо пристально смотреть на женщин, даже на проститутку.

— Каким-нибудь неприятности?

— Она лишь слегка покачала головой. И все.

— Вас не затруднит, еся я поговору вас на минутку снять очки?

Она снова ни в словенная объяснить, словно в эту минуту она была в необходимости.

— Я безоружна.

Она была настолько безоружна, что, сняв очки, явно не видела ничего. И судя по всему, не пыталась владеть потому что не шурвала глаза, как это делала она в Париже, когда после кори тоже стала безоружной. Раппар, еся она сняла очки, как глаза ее широко раскрылись и стали какими-то беспомощные, пустые, своеобразно изменили ее лицо.

— И с таким зрением вы ухитряетесь вести машину в темноте?

Он постарался сказать это мягко, но тут же подался на себя за эту фразу, типичную для какого-нибудь туного фанка, тьеролового багастического парадокса. Он сразу же снова начал делать от себя вместо слова кивнула головой. Но Нарда не давала покоя ея и ее перезаванная рука.

— А ведь это небагоразумно, мадемуазель Лонго, вы едите больше ружья. (Молчание.) Помимо того, насколько я понимаю, вы весь день за рулем? (Молчание.) В оба конца, это сколько же получается? Километров шестсто? (Молчание.) Вам так необходимо ехать? Куда вы направляетесь?

— На юг.

— А точнее?

— В Монте-Карло.

Нарда привалил.

— Вы собираетесь совершить этот путь без остановок?

— Она энергично замахала головой. Наконец-то в первый раз она ответила на его вопрос вполне определенно.

— И скоро останетесь в какой-нибудь гостинице.

— В Шалоне?

— Да, в Шалоне.

— Вы едете в «Ренессанс»?

— Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа за руль, она руле, она сказала, впоследствии, но ее это не было то, что было, как у некоторых водителей, которые, слушая правдивые жандарма, думают при этом: «Валий, валий, все это безумно интересно, а когда ты слышишь «Ренессанс»...» Она снова непонимающе изглаула на него.

— Вы же мне говорили, что ночевать в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Правда.

— Но почему вы остались за вами?

— Нет, не думаю.

— Не думаете?

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
корреспондент ТАСС в ГДР —
специально для «Смены»

Фото Эриха ШНАЙДЕРА
[АДН — Центральныйбюро, ГДР].

Публикацией этого очерка журнал начинает цикл материалов, посвященных молодому зарубежному рабочему. В следующих номерах мы расскажем о рабочих классах США, Западной Европы, развивающихся государств.

Он отмечает свой день рождения 6 октября, в науку национального праздника ГДР. Он ровно на три года старше своей социалистической республике, празднующей 25-летие нынешней осени, «образец молодого рабочего в год четвертьвекового юбилея ГДР» — так охарактеризовали имя Петра Биммлера и комитете Союза свободной немецкой молодежи на берлинском трансформаторном заводе имени Карла Либкнехта.

Напомню, что весело прозвучала «тройница» закрепилось за молодыми рабочими предприятия (сообщение оно называется ТРО) с легкой руки журналистов из молодежной газеты «Юнге велт»: в прошлом году на первом организационном собрании выступила инициатором соревнования молодежи ГДР в честь десятого всемирного фестиваля, и «Юнге велт» рассказывала тогда всей республике о замечательном походе «тройницы». Петер Биммлер был одним из организаторов и участников этой фестивальной акции.

РАЗГОВОР В ТЕАТРАЛЬНОМ ФОЙЕ

Самый известный театральные подполье на самой известной берлинской улице — Угтер-ден-Линден — свернул огнями. В немецкой государственной опере давали «Севильского цирюльника».

Роскошно одета пара, только что вышедшая из столь же роскошного автомобиля с западноевропейским номером, недовольно объясняется у театральную кассу.

— Неужели все места, даже в партере, проданы... ЭТИМ? — Западноберлинская дама презрительно кивнула в сторону публики, заполняющей вестибюль.

— Все билеты куплены коллективом берлинского трансформаторного завода имени Карла Либкнехта, который отмечает сегодня свое 25-летие, — с подернутой невозмутимостью и обстоятельностью отвечала кассир.

Противит что-то насчет «оперы, превращенной в заводской цех», да и ее спутник вернувшись к своему ослепительному автомобилю. А в фойе попрежнему текла обычная театральная крутоватая из алтарей вечных латвий, налитых костюмов, модных галстуков, изысканных верев — и я тщетно пытался найти в этой толпе человека, с которым уславился о встрече.

Мы все же увиделись в антракте, и я, вспоминая театральную сценку у кассы, сказал Петеру Биммлеру:

— Знаешь, пожалуй, жаль, что ты двое не попал в театр: помимо оперы, они увидели бы, как провалят свои праздники рабочие в ГДР...

— Ну нет! — возразил Петер. — Также визитер ничем не прошелись. Они бы стали потом рассказывать, что все мы получили выходящую одежду напрокат, или еще что-нибудь в этом роде. Вот если бы речь шла о «человеке «оттуда», который может сказать о нас и действительно хочет что-то понять, я бы и в самом деле пригласил его в немецкую государственную оперу и в заводской цех рабочих трансформаторов, чтобы он увидел, как мы работаем и как отдыхаем, чего мы достигли, чего хотим добиться.

— А что, по-твоему, было бы самым главным в такой экскурсии? — ухватился я за эту несколько неожиданную тему.

— Конечно! — улыбнулся самозабвенно. — Петер недоумевало взглянул на меня, явно не понимая, как это можно спрашивать такое... Главное — это раскол о нашем сотрудничестве с Западными!

ТРО И ЗТЗ

Чтобы оценить изумление Петра Биммлера, надо детально расшифровать два этих сокращения. Что такое ТРО, уже говорилось, а ЗТЗ — это За-

БРИГАДА ИМЕНИ АРТУРА БЕККЕРА (слева направо): МАНФРЕД ШУЛЬЦ, ПЕТЕР БИММЛЕР, ИОАХИМ ВАЛЬТЕР, БУРГХАРДТ ЗАЙДЕЛЬ.

порожский трансформаторный завод. С 1966 года между обоими родственными предприятиями ГДР и СССР существуют тесные производственные связи. С того же времени в сборке запорожских трансформаторов, которые по праву считаются одними из самых мощных в мире, применяются: тупольчатые переключатели, изготовленные на берлинском заводе имени Карла Либкнехта.

В декабре 1969 года ТРО и ЗТЗ заключили договор о долгосрочном сотрудничестве. В этом документе говорится о совместных действиях, идея которых — увеличение выпуска крупных трансформаторов и стимулирует переключателей к ним, повышение экономичности продукции, разработку современных технологических процессов и иная научно-исследовательская работа.

Несколько позже, в 1970-м, юбилейном ленинском, году, был подписан еще один важный документ, который называется так: «Долгосрочный договор о дружбе, политическом и экономическом сотрудничестве между комсомольской организацией Запорожского трансформаторного завода и организацией ССНМ берлинского трансформаторного завода имени Карла Либкнехта».

В ГДР это был первый договор такого рода, поставивший сотрудничество заводских организаций ССНМ и ВАКСМ на совершенно конкретную основу: 1. Обмен опытом политико-воспитательной работы; 2. Соревнование по трудовым показателям и повышению культуры; 3. Углубление работы молодежи; 4. Взаимопомощь в решении важных производственных и научно-технических задач (применительно к ТРО имелась в виду рационализация сборки продукции и выпуск еще более экономичных переключателей для запорожских трансформаторов).

— Такова суть плана кооперации, а реализация его, разумеется, шла по многим направлениям, — сказал мне секретарь заводской организации ССНМ Вольфганг Манштейн. — Одно из них — быстрое освоение и пуск в эксплуатацию вертикально-намоточных машин, полученных нами из Запорожья. Вторая такая машина была смонтирована и начала работу на пять месяцев раньше установленного срока. Это сделала молодежная бригада слесарей-сборщиков во главе с Петером Биммлером...

БРИГАДА ИМЕНИ АРТУРА БЕККЕРА

В мае 1938 года испанские фашисты захватили в плен тяжело раненого республиканца, который своим пулеметом прикрывал отход товарищей. После нескольких дней мучительных пыток плен-

ного убитый. Им был политкомиссар прославленного батальона имени Толеммы, один из руководителей комсомола Германии Артур Беккер.

В марте 1973 года центральный совет Союза свободной немецкой молодежи присвоил одному из лучших производственных коллективов ТРО — бригаде слесарей-сборщиков во главе с Петером Биммлером — имя Артура Беккера.

Имя Артура Беккера здесь имеет много рабочих бригад, подразделения Национальной народной армии, студенческие коллективы, а высшая награда ССНМ — это медаль Артура Беккера. И все же награда, полученная Петером Биммлером и его партией, символична. В ней признана не только удачная работа, но и ежедневная верность боевому делу юности и девушки в синих рубашках с эмблемой восходящего солнца на рукаве: «Всегда действовать, как Эрнст Тельман» — в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. Всегда действовать, как Эрнст Тельман, — в прочном и нерушимом единении с Советским Союзом и его Коммунистической партией! Всегда действовать, как Эрнст Тельман, который посвятил всю свою жизнь высшей человеческой цели — освобождению рабочего класса от угнетения, победе социализма!

В немецком рабочем движении еще со времен Маркса и Энгельса существовала термин «политически организованный пролетариат». За этим понятием — масса экономических, исторических, культурных, даже психологических факторов; и странная речь Карла Либкнехта, провозгласившего в ноябре 1918 года Социалистическую республику Германии, и сомкнутой колонны тельмановской гвардии, вальмовской гвардии в рождеством приветствии, и четкие, как марш, песни Эрнста Буша, и ясная, определенная политическая терминология в языке.

Эта традиция живет в сегодняшней ГДР, и я задаю Петеру Биммлеру абсолютно естественный, ничуть не риторический вопрос:

— Что значит для тебя лично действовать в духе Эрнста Тельмана, проявлять себя сегодня в классовой борьбе?

— Это столь же естественно и просто отвечает: «Мы боролась за звание «Коллектив социалистического труда». Втайне, конечно, мечтали назвать бригаду именем Артура Беккера, молодого соратника Тельмана. И когда это произошло, понимал, что делаем ступень выше и что наша работа — тоже вклад в сегодняшнюю классовую борьбу с империализмом, в нашу общую социалистическую интеграцию.

Я продолжаю:

— Тебе в этом году — 26. Считаешь ли ты, что столь твердые идеальные позиции молодой рабочей в ГАР приобретает примерно в твоём возрасте, но в Берлине? Справедливо об этом потому, что заводская производственная печать не раз писала, особенно во время берлинского фестиваля, о том, что работающая молодежь ГАР больше песенница в политическом плане и что будто бы лишь с годами, «когда семейные заботы заставляют человека ладить с властями, он начинает придерживаться официальной идеологии...»

— Никакой прямой зависимости между возрастом и мировоззрением не вижу. Начиная семейные заботы не могу, поскольку уже живу в коммунальных. А что касается «официальной идеологии», которая так раздражает господ в ФРГ, то, по моему, социалистический образ мыслей, марксизмом — это сама наша жизнь. Значит, и мой тоже.

Школа-десятилетка, пионерская организация имени Эриха Талемана, Союз свободной немецкой молодежи, трехлетнее профессиональное училище при нашем заводе — все это мое биография. Не так уж думная, но вполне достоящая, чтобы наметить свою цель в жизни. Потом три года в армии, где я был командиром взвода и должен был объяснять солдатам, что к чему. — Это тоже школа. Ну, а теперь здесь, на заводе — уже жить.

Мы сидели с Петером в заводском комитете ССНМ под огромными плакатами — «Молодежная акция «Экономика материалов» даст предприятие в 1974 году 750 тысяч марок прибыли». «Наше общество» — проект с акцентом на советский империалистический социализм 10 тысяч марок». Под конец я спросил его: — Ты давно вступил в СЕПГ?

— Ты такое дело: я только еще подаю заявление в партию...

Бригады одного из лучших производственных коллективов на одном из самых известных предприятий ГАР был трогательно смущен в эту минуту.

ПЕТЕР БИММЛЕР О МИХАИЛЕ КОЛОСКОВЕ

Деизв свободной немецкой молодежи — «Фройндшафт» («Дружба»). Этим деизвом заканчиваются официальные документы ССНМ и выступления на собраниях и конференциях. Подобно тому, как в партийной среде принято обращение «товарищ», «свободные» называют себя «дружками». Стоит отметить и такую вещь: когда речь идет о сотрудничестве ГАР с Советским Союзом, о братских связях ССНМ с Ленинским комсомолом, то слово «фройндшафт» употребляется непременно в русском звучании, пусть с акцентом, но по-русски — «дружба». Это здесь как пароль.

И я спрашиваю Петера Биммлера: — О чем ты думаешь прежде всего, когда слышишь русское слово «дружба»?

— О моей встрече с Михаилом Колосковым. Я уже знаю, что Михаил Колосков — сварщик на Запорозском трансформаторном заводе, рабочий, с которым давно соревнуется Петер Биммлер, но поскольку он Берлина до Запорозья полторы тысячи километров, то прощай Петера поздравить меня заочно с его советским другом.

Мы впервые увиделись в ноябре прошлого года, когда я в группе молодежи ТРО едла в Запорозье. Самое главное — чудесный человек. Впервые — свидание высокого качества. Благодаря нашему соревнованию я тоже овладел этой профессией. Встретных, заданный труд. В-четвертых... мой ровесник и тоже колосок.

А вообще не только эта встреча с Михаилом, но и вся моя первая поездка в СССР была незабываемой.

Сам посуди: Наш ТРО — единственный в ГАР производитель крупных трансформаторов, предприятие большое, современное, мощное. Но Запорозский трансформаторный завод, поразил нас своим размером, размером и уровнем производства, чистой (в пятах даже курить нельзя). А о том, как нас там встречали, обильными словами и говорить-то не хотелось. Мы были словно близкие родственники, которых очень давно не видели. Когда в веселом разговоре, как на семейном дружком, погам и ушам! — переводчиков не хватало. Ну, а в пятах дело пошло лучше, во всяком случае, мы с Михаилом великолепно понимали друг друга.

Здесь Петер произнес слово, о котором я сразу же споткнулся, но которое оказалось очень важным в дальнейшем разговоре: — Скажи мне, Биммлер, как сложилась социалистическая рационализация сборки трансформаторов, главнейшая задача завода в нынешней пятилетке.

ГЛАВНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ОБЪЕКТ ЗАВОДА

Итак, КОРАТ. Эта программа была принята в соответствии с решениями VIII съезда СЕПГ. Она предусматривает улучшение условий работы и жизни трудящихся завода, повышение его производительности (с 1971 по 1975 год, на той же площади и при прежнем количестве рабочих, выпуск трансформаторов на ТРО должен удвоиться), наконец, разработку новых видов продукции. Именно эти соответствующие задание было получено «синеблузым», стало, как принято говорить в ГАР, «молодежным объектом».

Для такого решения были свои основания. Уже в 1957 году молодые рабочие и инженеры ТРО взяли курс на рационализацию сборки ступенчатых переключателей — главной статьи экспортных поставок заводу своему предпринятию-партнеру в СССР. «Молодежный объект» прекрасно справлялся: потребности заказчика, ступенчатых переключателей полностью удовлетворялись, годовые экспортные планы по этим изделиям выполнялись уже в ноябре.

За удивный труд молодежному коллективу ТРО, отвечающему за «объект № 1», в 1971 году приказом бизнес-администрации министерства тяжелой промышленности ГАР Отрида Штегера было присвоено почетное звание «Социалистический коллектив «Запорозье». Через год берлинские «синеблуды» получили за созданный ими новый тип ступенчатых переключателей золотую медаль лейпцигской ярмарки и почетный диплом международной выставки «Электрот-72» в Москве.

Разумеется, что после этого директор завода Манфред Фридрих, не колеблясь, подписал распоряжение о создании нового «молодежного объекта», сокращенно названного КОРАТ. Существование его предполагало еще более тесное взаимодействие немецких и советских «синеблудов» и в частности поставку из СССР современного оборудования. О двух высокопроизводительных вертикально-намоточных машинах, полученных ТРО из Запорозья, уже говорилось. Как, впрочем, и о том, что в достояние освоены второй такой машины, главную роль сыграла бригада Петера Биммлера.

К словам Петера Биммлера стоит добавить, что его яркое сотрудничество и соревнование с Михаилом Колосковым — далеко не единственный пример плодотворной борьбы молодежи ТРО и ЗИТ. Намочник Луцт Фрэнке и Евгений Иванов, токари Вольфганг Дойль и Григорий Скрябин, сборщики Хартмут Милл и Александр Журавлев — тектисты дружно в обоих предприятиях уже двенадцать лет в едином ритме производили и другие: к десятому Всемирному фестивалю молодежи и студентов только в Берлине было двадцать заводских организаций ССНМ, которые имели договоры о дружбе с комсомольцами родственных предприятий Советского Союза. В Берлине также организация «синеблуды» на ТРО была удостоена к фестивалю почетного членского звание ЦК СЕПГ. Эту награду в канун всемирного праздника конюхи вручила молодежи трансформаторного завода Берлина Либхейста первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер.

«МАСТЕРА ЗАТРАВННОГО ДНЯ»

Эмблема международных лейпцигских ярмарок, составленная из двух букв «М» (от немецкого слова «мустермесен» — «ярмарка образцов»), известна во всем мире. Но каждую осень в Лейпциг проходит еще одна ярмарка, о которой за рубежом знают немногие. Эта ярмарка, которая играет важную роль в экономической и социальном развитии республики. Сокращенное название этой традиционной выставки — три буквы «М», что расшифровывается как «Ярмарка мастеров затравленного металла». Результаты работы промышленных образцов и идей, представленных на этом смотре научно-технического творчества молодежи, превращают по всей республике полмиллиарда марок.

Движение «МММ» — один из главных критериев, по которым оценивается здесь работа первичных организаций ССНМ. На этой ярмарке Либхейста молодежь «мастера затравленного дня». Об этом говорит мне Петер Биммлер, но я все-таки уточняю:

— Вся работа и инженерно-техническая молодежь охвачена «МММ».

— Да — подтверждает он. — Можешь записать, что экономическая выгода молодого новатора на предприятии составит в этом году 3,9 миллиона марок.

Руководитель «Коллектива социалистического труда» бригады имени Артура Беккера, разумеется, активно участвует в этом движении. Он в контрольной комиссии, которая следит за ежедневным вкладом «мастеров затравленного дня» в реализацию «молодежного объекта КОРАТ». Он сам ведет несколько коллективных рационализаторских разработок по линии «МММ». И он настойчиво подчеркивает в разговоре со мной связь между новаторством «троянцев» и их сотрудничеством с комсомольцами из Запорозья.

— Вот ты напишишь про нашу работу с советским вертикально-намоточным станком... — Петер машинально рисует на листе бумаги маленький кружок. — Рассказывай о бригаде из пяти человек. Все это так. Но ведь над оснением новостями советского оборудования и нас по программе КОРАТ работает больше двухсот парней и девушек... — Рука чертит на том же листе большой круг с цифрой 200. — Скажем, намочник Инго Ретцфард. Он стажировался на ЗИТ, очень неплохо знает русский язык, сам читает советскую техническую литературу — и только за один год его рационализаторские предложения сэкономили ТРО около 32 тысяч марок. Таких примеров много. Ты, кстати, знаешь о приказе министра Зельме?

Мы об этом неизвестно, и Петер рассказывает, что два года назад, во время очередной весенней ярмарки в Лейпциг, расширение имени внешней торговли ГАР Хорста Шейде организации ССНМ во внешнеторговом объединении «Электрот» Экспорт-инвест и нас по программе КОРАТ завод имени Карла Либхейста был доверен контроль за качеством и своевременностью поставок оборудования в СССР и за использованием импортного оборудования на ТРО. Это поручение было исполнено в полном объеме имени Германо-советской дружбы.

МОЛОДЕЖНАЯ ИНИЦИАТИВА «ГАР-25»

Мимо трансформаторного завода мне приходится проезжать довольно часто, поскольку уади, где он расположен, выводит из Берлина на главные магистрали республики. Как-то раз у самого ТРО образовалась автомобильная пробка: из заводских ворот выехала железнодорожный состав, груженный огромными трансформаторами. По борту тепловоза был укреплен транспорт с надписью «Молодежь вступает в армию».

Этот аулугг сегодня — один из самых известных в республике, приближающийся к своему славному четвертьвековому юбилею. Союз свободной немецкой молодежи развернул широкое социалистическое соревнование в честь годовщины и все другие организации ССНМ, «троянцы» приняли свою «Боевую программу подготовки к 25-летию ГАР». Железнодорожный состав с трансформаторами был выдвинут в жизнь одного из пунктов и этой программы. Молодежь ТРО внесет свой вклад в выполнение социалистического обязательства всего коллектива — дать сверх плана на 2 миллиона марок продукции, превзойти на один процент государственное задание по повышению производительности труда.

В немецком языке есть трудно переводимое на русский слово «ауфгебот». Дословно оно означает «произвольная», «привязан», а по существу — «обязательство». В ССНМ завод, что же является основой деятельности «МММ» здесь — «МММ» — молодежь, в чем суть этого самого «ауфгебота» молодежи ТРО! И конкретно — бригады имени Артура Беккера!

Рита, Узеба, Дружба, — отвечает мне Петер Биммлер, причём третье слово он произнес по-русски.

Берлин, март 1974 г.

Светский стиль

Со стр. 11.

ка, эта компания обладала одним счастливым свойством: в ее водвороте гасла любая обида. Раньше. А теперь все пошло и в дела, и в семейность, и хотя каждый старался показать себя в прежнем виде, но новая интонация была свежая. Они все покорились заботам, как раба чужой, как раба пылающей стальной доспехами. В доспехах было здорово общаться с незнакомыми людьми, но с товарищами они мешали, притягивали их друг от друга.

Не запорого — значит, дома. Петр Бусыгин тогда посередь мастерской, оглядывая на пишущее неведомое диво — беззвучную сорочку. Старый свитер, веревки и белоснежный дарт, был засунут между батареей и стойкой старых этюдов. Комната поражала какой-то неожиданной приборностью и чистотой. Она сама себе удивлялась. Но хозяин, видно, помогал, что все это в порядке вещей. Был он очень пристойно вышит и нес на себе запах парижского шпирта. Напомнила восточный парокор.

— Имя женщины? — с порога спросила Тania.

— О, кто пришел, кто пришел! — Бусыгин снял с дивана свою зимне-летнюю кожанку и аккуратно повесил на крючок (в былые времена — метлу) бы в дождиком, а если свалится, то прускай! — Отура и зачем! Рассказывали мне все по порядку. Вообще слыши мне свою жизнь за минувший период. И не скрывайши. Скритность не украшает женщину, а наоборот.

— Петля, не валяй дурака! — Tania сделала из обрывка газеты кулечек и закурила, стряхивая тула пепел. — Только вчера расстался. Или даже сегодня уже забыла?

— Не забыла, а соскучилась. — Бусыгин был настроен на длительный лад, а значит, всякий разговор будет он переводит на свои неразумные чувства. Иное дело, в шутку.

— Остаток ночи у меня пролежал на сладком тумаше. Куда-то шел, чего-то шел. Пришел и лежал в каком-то влюбленной студии. Нашел проспект выставки и прочитал в нем каждую строчку. Все это время плакал навзрыд. От радости. И с горю. Выставка — хорошее дело, а ведь сколько из у меня было мого! Человек стремится к лучшему, познал! К сияющим вершинам. Не робей на свои пути кавалера, глумлю людей, не возводите частоту. Выступай, дождет, ружаво. Ну, подумаю и об этом и тут же засну. Будто ребенок. А проснулся и потащился в Иммалово. Переулок там есть один симпатичный. Старый тактик. И танет он меня, и ноет, и стреляет. Как зуб. Ну, сделала и это, слава богу. Жальцем — худякин.

По необычным законам психических движений, глядя на веселого и спокойного Бусыгина, Tanie вновь сделалась жалко себя и Павлика, и взяла заость на них обоих. Как он сейчас мучается за свои стихи... В отместку Tania здорово раскритиковала бусыгинский этюд, хотя был он не так уж плох. Петр отгорчал, но не воевал.

— Ничего ты не понимаешь. Самый обnoxiousный похмельный этюд. Запиши потом в мемуарах, что был он написан сразу после выставки. Непорочною на другой день. И что метуемый художник-творец никогда не засыпал в Петру Бусыгине. А тогда в нем, и горел в нем, и пылал повсюду. И чем дальше, тем гуще, познала? Кто тебя вчера прожало-то?

- Никогда.
- И ты Никогда?
- Ничего. Проводя и давшие ответы.
- Отвербю. Не желаю, чтоб кто-то между нами стоял. Расстучи мерзавца. Кстати, что там этот твой молодой человек?
- Ничего. Все нормально.
- Лучше для него, хуже для меня. Познала?
- Нет.
- Я ревную.
- О господи! С помелька?
- Tania, я серьезно.

Сказав эту загадочную фразу, проинформировала взорную из обширного корпуса многоэтажного, похмельный художник непосредственно поглянула на часы. Tania улыбнулась.

- Ты кто-нибудь ждешь?
- Специально? Нет, никого. А вообще должна зайти Ленка.
- Ленка была потрясающей блондинкой двадцати лет от роду. Каким-то ветром ее занесло в их компанию. За полчаса выяснилось, что у нее первый разряд по теннису. Камо извещен ей в виде коньяка, а Петров-Водкин — это псевдоним какого-то великого художника. Какого — она не помнит. Зато она немаловажно помогла назвать всех страдных ансамблей и по новинности пылко встали вступить компанию в детально сравнение Кристаллинской с Минисаровой. Ее мягко перебили и продолжали ругать театр абсурда. Ленка внимательное слушала и заключила разговор скромным замечанием, что внешность для таланта не главное. Тут Бусыгин в нее и выскочил. Сначала он сам не знал, за что, а потом пошла за ним. «Отдаюлю и с ней», — чувствительно он. Tane и прочим знакомым, — Отдаюлю с чер, ветр заумных, а главное, от самого себя. Иной раз такие идеи в голове крутятся — нету спасу. А посмотрю на Лечку, и все как рукой.
- Tania встала, стряхнула пепел в корзину.
- Поуду, поуду!
- Да ты что — ума? Никогда не буду, оставался. Уйдем — испортишь нам вечер. Если не Ленке, то мне во всяком случае. И потом, что это за мода новая: лучшим друзьям перечить? Оставлюсь без никаких. А не то — разряд, обиды, горький осадок в глубине души. Приятно?

Шестое чувство — другое же. Петр почувал, что ей худю, и теперь всячески пытался доказать. Это оттого он дома свое праздничное настроение, отпуская пути насчет своей персоны, что бывало не так уж часто. Словом, стараясь, как умел. Нет, у него не уходило.

Бусыгин попросился с ней недолгим утром, но легко и без горечи. Заступал по нотам бумажки, она вышла в носом фонарей и увидела на той стороне Ленку. Легким, упрямим глазом скользящую по переулку. Она была похожа на бриллиант, который светится хороним людям радостно. И в струю, ные боготворы были колесом. Сумочка из медных пряжек, азиатский зонт, гордо несущийся над седым париком. Tania не стала вглядываться в лицо, потому что знала и так: красивое. Бьет может, Бусыгин полюбил ее за эту бающую в глаза скромность за то, что скромность ее может быть выражена субтоне кивком, а разговор и общение с ней — это искусство. Бусыгин не стал, жестивенные да к тому же мешающие Ленке скользять. За спиной административным из старой компании.

А Васька дома не было. Одинадцатый час, мама ушла на дежурство, а этот разговор бежал неизвестно где. Сначала Tania уснула себя тем, что, когда он все-таки вернется, она его отменно накажет, может быть, даже отпашлет. Отвлекая себя этими мыслями, она села ужинать. Накрыла в стакан кефир, сделала бутерброд. Потом поскользнула для себя выскользнула в переулок, съехала с черной качки и бросилась вширь катаясь.

— Олэга Яковлевна, где Васька? Вы не видели? Он не пробегал?

— Он, да не следила я. Носилась они все где-то поблизости. Кричала чего-то. Пробегал. Потом убежал на другой двор.

— Может, час. Или больше. Да не волнуйтесь, чему оно сделается? Они постоянно курювет, вынаны эти. Подрастут — худеет. Сестра пишет, плачущим у нее на каком-то ялту спавалась. Чуть не утону. А твой, наверно, в парке заблудил. Тут недалеко, верни дорогу.

— Я ему не разрешаю черт-то делать! Ему категорически запрещено! И он не мог этого сделать... Олэга Яковлевна, я поуду посмотрю...

Литература осуждающе качнула головой. В доме все уже привыкло к тому, что Васька постоянно исчезает, а Tania постоянно его разыскивает. Многие Tania сочувствовали и помогали Ваську ловить, но это была задача невыполнимая.

В парке не было ни души. Tania побежала домой, крикнула на ходу Олэге Яковлевне «Не пробегал!», открыла дверь и схватила телефонную книжку. Она стала записывать всех его приятелей и друзей и задавать им бесполовые вопросы. Выяснилось, что Васька всег успела навестить, со всеми играла в шахматы и всех обсыгрывала. Больше одного сеанса он не давал, так как, видимо, пытался совместить участие мудрой, успешной игрой с любовью к быстрым переменающим. С любимицею товарищем Генкой они успели даже почитать. Так записав всех его приятелей и друзей, она сделала запись, что она вступала здравую пишка. Генюна мама говорила злым и разрадованным голосом. Tania сначала соглашалась с ней, притворялась «я накажу», «я накажу», а потом тоже разозлилась и выдала бедного Генку, сказав, что он на озеле-...

— Tania книга взгляда на пишущую машинку. «Все обгрызает, надо же, — подумала она между делом. — Нет, непременно нужно его всему утуть, развинуть его всестороню». Еще она подумала: «А кто у него метил? Я у него метил? Хороша метил! Единственный ребенок носится неведомо где. А она и это не может выдержать. Дурная женщина! Она выдала чуть не себя же с ног. Бедный, глумный Васька! Может, он заблудился? Или пошла в беау? Он же совсем малюк, он же только притворяется сорванцом... Бежать в милицию? Или рано? Но это же их дом, они должны помогать.

Она шла как слепая в детовых шагах, нашла на себя Ваську была у Лечку. Она тогда пошла назад. Но в шахматы она и несколько раз крикнула: «Васька, немедленно домой! Интересно, далеко ли разнесится звук? А может быть, он слышит и не идет? Потом каждый день tanta мучения. Тем более сейчас нева.

Позволяла Витке — не заходила. Да и Витка была неизвестно где, его маме тоже волнуетесь. А она вышла во двор — покрывать. Неудобно! Ничего, не прочь горю. Tania открыла окно и несколько раз крикнула: «Васька, немедленно домой! Интересно, далеко ли разнесится звук? А может быть, он слышит и не идет? Потом каждый день tanta мучения. Тем более сейчас нева.

Она промла по квартире, загадывая по очереди во все окна. Васьки не было. А может, он куда-нибудь уже легит бегом назад. Заснул. Господи! Она опять сорвалась с места, метнулась к телефону, раздумала бросить визит по лестнице. Пустой черны, безлюдный двор. Шорох. Чаралана. Далекый за стеной гурган торжово. И вдруг откуда-то из глубины раздалось тихое гурганье, и кутя сирини, аломатом, заволакала. Васька, потного, запыхавшегося, прижимающего к себе шахматную доску. Он немыслим как лунный свет! Метко, несильно, посылная простуженным носом. Домой! Рядил. Но вот он увидел мать и наваждение исчезло. Васька перешла на опьянение.

— Мам, да вы у кого сейчас не было, чтоб время утуть, — сказала он, предупреджая неоправданное подозрение. — Или потом себя ведь.

— Где сметало? — От сметыла у нее не было ни сметыла... Где ты видишь сметало?

— На беа.

— Васька! Я тебя сейчас накажу.

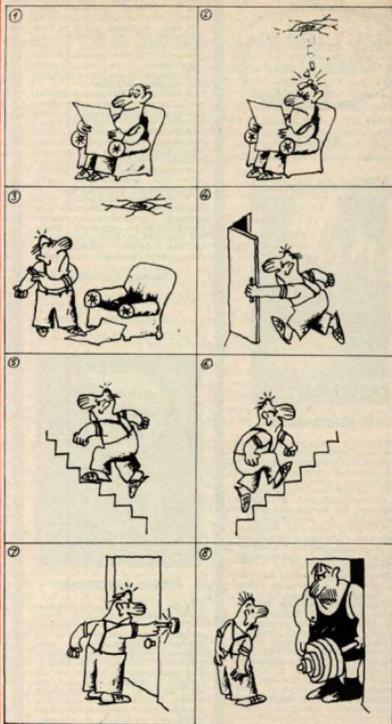
Она крепко взяла его за плечо и поведал в дом. Черный двор обступил их со всех сторон. Пока шим, ей казалось, что Васька в любой момент может расширяться, исчезнуть, удивиться в безудержную беготню, обгрызть всех в своем доме. Васька же молчал, не говоря ни слова. Он был так же, как и сейчас, такой ребенок? Tania с опаской и строго поглядывая на него и крепко прижимала к себе лохмотную голую.

Доме она, конечно, его не наказала. Некогда. Уже поудно. Она сначала отдала Ваську, потом выиграла, потом уложила спать. Потом легла сама. Закрыла дверь, поудно не могла заснуть. Она сидела в кровати, и тогда она решила считать сказки, раз Васька умеет. На минуту ее сморил сон, потом она вдруг проснулась и вот какую сказку придумала.

Жил-был король. И был у него единственный и любимый сын Васька. И вот король решил состариться, а Васька взял подорог. И она от большой-большой и умный-преумный! И был у него иль. И льд, король спросил вали: «Как же вам удалось вырастить такого красавца? А став он ум грубо отвечал: «А вот так! Внимши моимтани!»

— Васька, не ворочайся, си сейчас же! О чем ты думаешь?

— Про жаробак.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

Начало см. «Смены» №№ 2 и 7

ТРЕТИЙ ТУР

В очередном, третьем разряде нашей шахматной олимпиады внимательно читателей предлагается два задания: разбор композиции и фрагменты из шахматной практики, а также небольшой конкурс прогнозов.

Запомните, товариществу, что письма на третий тур следует посылать в адрес нашей редакции в следующие сроки — с 3 июля по 15 августа сего года.

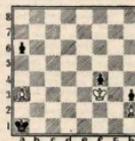
Условия задач № 1 (три балла) — белые начинают и дают мат в два хода, № 2 (четыре балла) — белые начинают и дают мат в три хо-

да. В этюде (четыре балла) белые начинают и выигрывают. В позиции из шахматной практики (пять баллов), где очередь хода за черными, требуется доказать, как должна завершиться борьба при наилучших действиях обоих соперников.

ВОТ ТАК ЗАДАЧИ

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

ЭТЮД — ВСЕГДА КРАСИВО

КОНКУРС ПРОГНОЗОВ

В преддверии финального матча претендентов на мировую шахматную корону, который начнется в сентябре в Москве, мы предлагаем участникам нашей олимпиады продемонстрировать свои силы в прогнозировании.

Формула «Бой» Виктора

Корчного и Анатолия Карпова: игра до пяти побед одного из них. В случае если будет достигнуто исчерпан весь лимит в 24 партии, то победитель определит даже минимальное преимущество в счете. При ничейном результате 12:12 будет брошен жребий.

Итак, два вопроса нашего конкурса прогнозов (за правильный ответ на каждый присуждается по два балла):

1. Сколько партий понадобится для выявления сильнейшего в финальном матче?
2. Бойте и с каким счетом (без учета ничьих) будет существовать успех?

СВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

Приводим в сокращенном виде ответы на шахматные позиции, предлагаемые второго тура олимпиады, опубликованные в № 7.

Задача 1. Ke1 - f2; Lf3 - f6; 2. Фd7 - b6!; этюд — 1. e5 - e6 a3 - a2 2. Крe5 - f6 a2 - a1Ф + 3. Сf4 - e5 Фa1 - a2 4. e6 - c7 Фa2 - e4 5. c7 - c8Ф + Фc4; с 8. Кd3 - f7c. Фрагмент из практики — анализ показывает, что черные могут довести ничью после 1... Крg4 - f3!

ТУРНИРЫ «СМЕНЫ» ЗАВЕРШЕНЫ

Определены итоги организационных «Сменой» турниров по переноске, игра в юнкорском подразделении в 1972-1973 годах. 410 участников

этих соревнований смогли повысить или подтвердить шахматную классификацию. Им высланы соответствующие справки. Читатели, особо отличившиеся в наших зональных турнирах, а также наиболее активные стартеры награждаются дипломами и шахматной литературой.

Ниже приводим красивую комбинационную концовку, встретившуюся в партии заочного турнира «Смены» № 33а между молодыми шахматистами третьего разряда элекромонитором из Космосольска-на-Амуре Сергеем Зубаревым (он играет черными) и научным сотрудником из Брвенна Рубеном Геворкяном.

В положении после 31-го хода белых черные неожиданно повернули качество, а затем слона и слепил матовую сеть.

31... Лd3: e3 32. Крf2: e3 Сd1... Лd3: e3 33. Крe3 - f4 Фe8 - d6 + 34. Крf4 - e5 Сd4 - e3 + 35. Фe2: e3 h7 - h6 + 36. Крg5 - h4 Фd6: h2x.

РА- БО- ТА

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка Серафима ТУЛИКОВА

Рассветил лучей позолота
По крышам, по окнам плывет.
Работа, работа, работа
К себе нас привычно зовёт.

Новкданым стройкам нет счета
В размахе стремительных дней.
Работа, работа, работа —
Навек мы обвенчаны с ней.

На тракторном трудится кто-то,
А кто-то в далеком селе.
Работа, работа, работа
Прекрасной всего на земле.

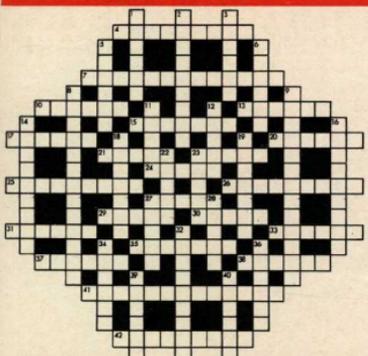
О Родине наша забота,
Спешим на Урал и Донбасс.
Работа, работа, работа
Счастливыми делает нас.

Не ради наград и почета,
А ради людей мы живем.
Работа, работа, работа
Бессмертна в поныне своем.

Нам крылья дает для полета,
Фасият и людей и хлеба.
Работа, работа, работа —
Высока наша судьба!

С О Б Р Е Т Н Ы Й

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Прибор для измерения кривизн линий на планах и планах.
7. Украшение, художественное оформление.
10. Десныборец, чемпион XX Олимпийских игр.
13. Город в Новгородской области.
15. Роман Юрия Санда.
17. Морская промысловая рыба.
20. Механизм для уменьшения скорости или остановки машины.
21. Ресно, авладоура в Вальтийское море.
23. Струнный инструмент народов Средней Азии и Индии.
24. Деталь ходового механизма часов.
25. Роман Э. Золя.
26. Официальная торжественная встреча.
27. Светильник.
28. Сечение русла реки, перемышное платиной.
30. Условный расходной трудя, учебы, отдыха.
31. Оружие лова.
32. Специальное слово, обозначающее определенное понятие в науке, технике, искусстве.
35. Радиоактивный химический элемент.
37. Заключительная часть литературного произведения.
38. Русская народная песня.
41. Холми

стан местность, значительно приподнятая над уровнем моря. 42. Советская детская писательница.

По вертикали:

1. Поэт, Герой Социалистического труда.
2. Химический элемент.
3. Машина деталь в виде полого цилиндра.
5. Один из рулей самолета.
6. Советский летчик-космонавт.
8. Раздел физики.
9. Основной измеритель веса сууда.
11. Газета Итальянской коммунисты.
12. Продовое субтропическое дерево.
14. Избирательный анстон.
16. Советский госсоюзейств.
18. Вид энергии, образующийся при нагревании.
19. Основная свищовая зуба.
22. Специальное сооружение для ремонта самолетов.
23. Одна из четырех стран света.
27. Спутник планеты Марс.
28. Персонаж романа Л. Толстого «Анна Каренина».
32. Цветок.
34. Девство семейств животных.
36. Вышнее очертание.
39. Кошолд.
40. Денежная единица Венгрии.

Составил Е. ЗЮТОВ,
г. Днепропетровск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

4. «Детство».
7. Фольклорист.
10. Дитюмен.
14. Словосокос.
18. Дипинжер.
19. Вселенная.
20. Горюх.
21. Полюх.
22. Удобрение.
24. Гулдауа.
25. Яснотта.
28. Динаметр.
29. Гоминст.
31. Придальщина.
32. Норичень.

По вертикали:

1. Дельфин.
2. «Асель».
3. Квартал.
5. Поленов.
6. Эстония.
8. Рукупомятеж.
9. Ленингорск.
12. Белорус.
13. «Легичин».
15. Сууда.
16. Злыба.
17. Нисер.
18. Даних.
22. Уаумаро.
23. Есенцея.
26. Стадион.
27. Тощина.
30. Клупа.

▷ СКУЛЬПТОР НИНА КОНЕНКОВА.

▲ НЕГРИТЯНСКАЯ ПЕСНЯ.

● АЭЛИТА.

▽ ПЕВЦЫ.

ЗРИМЫЕ ОБРАЗЫ

Творения скульптора — это почти реальность. Они объемны и существуют в том же пространстве, что и изображаемый предмет. И тем не менее в скульптуре остро ощущается противоборство между неодушевленным материалом и замыслом автора, замыслом, который, одухотворяя дерево или камень, становится в итоге зримым образом.

И когда художник выигрывает этот поединок с материей, мы говорим: «Он хорошо чувствует материал».

Вглядитесь в работы московского скульптора Нины Коненковой... «Аэлита». Она словно бы движется навстречу тому, что открыто ее внутреннему видению. Естественный рисунок древесных волокон передает ощущение пространства, струящегося, расступающегося перед зримым образом, но неудержимым движением.

«Негритянская песня». Гипс. Здесь все — голос, здесь все — музыка. И глаза, и рот, и ладони, оберегающие и поддерживающие эту долгую, эту скорбную песню.

А деревянные «Певцы» поют совсем по-другому. Множество комических деталей, пренебрежение к филигранной точности отделки — все это заставляет почувствовать ритм ансамбля, острое, озорное, насмешливое...

Мы публикуем репродукции трех работ Нины Коненковой. А их у нее более трехсот. Но и по этим репродукциям можно составить представление и о художественной зорности скульптора и о его способности сообщить своим замыслам энергию, которая, прорываясь сквозь окаменелость материи, сплавляет суть образа с его вещественным Выразителем.

Борис АНДРЕЕВ

